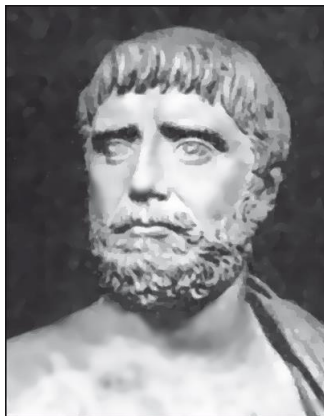

Знаменитые мудрецы Составители Е. К. Васильева, Ю. С. Пернатъев, В. М. Складенко

Они были первыми

Фалес из Милета
(625 г. — 547 г. до н. э.)

Древнегреческий мудрец, первый исторически достоверный представитель античной философии. Историк Диоген Лаэртский приписывает Фалесу сочинения: «О солнцестоянии»; «О равноденствии».

Милет был городом известным, торговым, славным своими знатными семьями. Из знатного рода происходил и Фалес, первый в иерархии мудрых. В молодости он занимался государственными делами, но затем отошел от политики и обратился к философии. Надо сказать, что такой жизненный путь был для греков вполне естественным, в отличие, скажем, от нынешних времен, когда философские занятия или писательское ремесло являются лишь стартовой площадкой для большой политики. Но в том-то и дело, что, как отмечают исследователи, Фалес в государственных делах был мудрейшим советником. Однако предпочел в итоге жизнь простого гражданина.

Скорее всего, он не был женат, поскольку, во-первых, на вопрос почему он не заводит детей, Фалес ответил: «Потому что люблю их». Во-вторых, на совет своей матери жениться молодой Фалес сначала сказал: «Слишком рано», а повзрослев, решил, что «слишком поздно».

Для Фалеса и его сторонников наука, мудрость — это игра с расчетом, она требует логики, теоретического построения и обязана проверяться практикой. А уже затем практическая мудрость становится мудростью умозрительной, тяготеющей к абстракции. К таким отвлеченным

понятиям Фалес отнес прежде всего душу, которую объявил бессмертной. Более того, философ считал, что бессмертной душой обладает всякое тело, ссылаясь при этом на такие предметы, как магнит и янтарь.

Подобно гомеровскому Одиссею Фалес был великим путешественником. Он посетил Египет, Среднюю Азию, Халдею, собирая по крупицам знания минувших эпох. Мудрец строил гипотезы на основе наблюдений, сверяя с опытом те знания, которые были добыты в заморских странах. Его собственные открытия легли в основу научного метода мышления, который состоит в накоплении знаний с последующей проверкой их опытом.

Фалес первым поставил и попытался решить проблему: из какой материи состоит мир? По его мнению, должен быть некий универсальный элемент, который лежит в основе всех физических процессов.

Таким изначальным элементом, согласно Фалесу, является вода. А уж из нее в виде осадка образовалась земля, равно как воздух и огонь, составляющие ее пары. Все возникает из воды и снова превращается в воду. Отложения ила, возникновение туманов над морями, появление блуждающих огоньков над поверхностью пруда — все это, по Фалесу, действие воды. Фалес первым определил значение для мореплавания Полярной

звезды, измерил высоту египетских пирамид (по отбрасываемой ими тени), предсказывал солнечные затмения, установил продолжительность года в 365 дней.

Был ли Фалес первым в иерархии семи мудрецов ¹? Наверное, дело не в этом. Важно то, что он был первым философом, предложившим научный метод познания мира. Фалес искал проявления жизни в каждом явлении и пытался обнаружить сам дух материи, ее физическое и метафизическое начала. Для него земля — это первородная глина, которую откладывает вода. Из

¹ Рождение древнегреческой философии можно сравнить с взрывом, последствия которого трудно переоценить. За два века самая отвлеченная область познания стала величайшей наукой. А сама наука превратилась в тот самый Архимедов рычаг, который перевернул мир. В общем-то, они шли рядом — мудрость и научное, рациональное познание, иногда пересекаясь, а иногда и уходя друг от друга, чтобы снова встретиться на страницах какого-нибудь трактата о душе.

История оставила человечеству первую веху научного познания мира, обозначенную в понятии «семь греческих мудрецов». Сколько их было на самом деле, самых первых и самых знаменитых, сказать точно сейчас не может никто. Однако выражение закрепилось в истории, и в его канон действительно вошли семь мудрецов: Фалес, Солон, Хилон, Питтак, Биант, Клеобул и Периандр. Все они жили примерно в одно время, в середине VII — начале VI вв. до н. э.

земли лепится все живое, в том числе и трехмерное пространство вместе с людьми, храмами, растениями и животными. И над всем этим простирается ум Космоса, одушевленная Вселенная, «полная божеств». И, конечно же, сам бог, который не имеет ни начала, ни конца.

Историк Диоген Лаэртский, писавший о Фалесе в III в. н. э., приводит следующие его диалоги:

«Что на свете трудно?» — «Познать себя».

«Что легко?» — «Советовать другому».

«Что приятнее всего?» — «Удача».

«Когда легче всего сносить несчастья?» — «Когда видишь, что врагам еще хуже».

«Какая жизнь самая лучшая?» — «Когда мы не делаем сами того, что осуждаем в других».

«Кто счастлив?» — «Тот, кто здоров телом, восприимчив душою и податлив на воспитание».

Проще назвать такие диалоги не лишенными остроумия. Но к высшей мудрости их вряд ли можно отнести. Зато некоторые поучения Фалеса справедливо вошли в копилку практической мудрости, актуальной и сегодня.

«Познай себя».

«О друзьях нужно помнить очно и заочно».

«Не богатея дурными средствами, и пусть никакие толки не отвратят тебя от тех, кто тебе доверился».

«Чем поддержал ты своих родителей, такой поддержки жди и от детей».

«Быстрее всего ум, ибо он обегает все».

«Сильнее всего неизбежность, ибо она властвует всем».

«Мудрее всего время, ибо оно раскрывает все».

«Невежество — тяжкое бремя».

Фалес определил некий рубеж в развитии древнегреческой мысли. С него на какой-то момент замирает мифология и начинается новая история, история людей, которые открывают и представляют науку во всем ее универсальном величии, сравнимом разве что с природой. Не забудем и о том, что именно Фалес первым в Греции начал изучать астрономию, предсказывал лунные и солнечные затмения, в числе немногих стал вести беседы о природе.

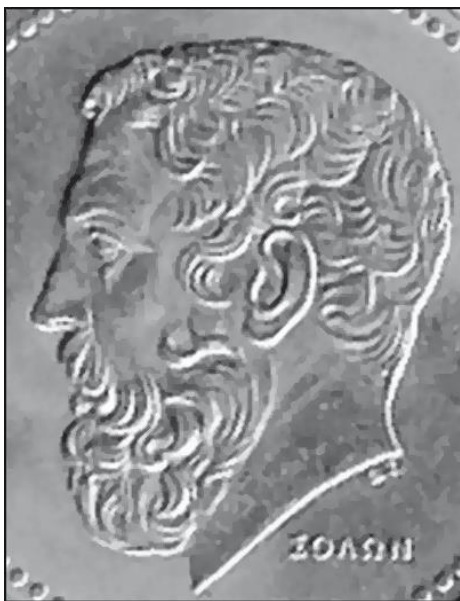
Прожил первый мудрец Греции около девяноста лет и умер, как гласит предание, «от жары, жажды и старческой слабости». На его гробнице осталась надпись:

*Эта гробница мала, но слава над ней
необъятна:*

*В ней пред тобою сокрыт многоразумный
Фалес.*

Солон из Саламина (638 г. — ок. 559 г. до н. э.)

Древнегреческий мудрец, первый античный законодатель. Оставил творческое наследие в виде законов, речей к народу, наставлений, элегических стихов.

Если Фалес считается одним из основателей научной мысли, то его соратник Солон прославился

как великий законодатель, а вдобавок к этому и как незаурядный поэт. Платон называл его «мудрейшим из семи мудрецов и самым благородным поэтом». Свое благородство Солон проявил не только на поэтическом поприще. В родном городе Саламине он прослыл истинным патриотом, вначале вдохновив граждан на защиту города от врагов, а затем поведя борьбу против тиранической власти Писистрата.

Объявленный властями сумасшедшим, Солон вынужден был бежать из Саламина. Об этом известно из письма самого Солона философу Эпиминиду: «Мои законы и мое законодательство ничуть не лучше: применявшие их причинили пагубу обществу, не воспрепятствовав Писистрату прийти к власти, а предостережениям моим не было веры: больше верили афиняне его лести, чем моей правде. Тогда я сложил свое оружие перед советом военачальников и объявил, что умнее тех, кто не предвидел тирании Писистрата, и сильнее тех, кто убоился ей воспротивиться. И за это Солон объявили сумасшедшим. Наконец я произнес такую клятву: «Отечество мое! Я, Солон, готов тебя оборонять и словом, и делом, но они меня полагают безумным. Поэтому я удаляюсь отселе как единственный враг Писистрата, они пусть служат ему хоть телохранителями».

Посещение Солоном критского царя Креза стало историческим в древнегреческой мудрости. Чего стоит хотя бы эпизод, когда спесивый Крез, воссевший на драгоценный трон в богатых одеждах, спросил Солона: видел ли он что-либо прекраснее?

Философ ответил знаменитой фразой: «Видел — и петухов, и фазанов, и павлинов: их убранство дано природой и прекраснее в тысячу раз».

Солон прославился не только краткими и мудрыми изречениями наподобие: «ничего слишком»; «прежде чем приказывать, научись повиноваться» и т. д. Его справедливо называют отцом греческой демократии. Он сумел провести такие реформы, которые возвысили афинскую государственность, обеспечили свободу гражданам и позволили неимущим пользоваться землей.

«Всем я вернул свободу», — писал Солон в одной из своих элегий.

И в данном случае поэзия полностью соответствовала правде жизни.

«Справедливость, — считал афинский законодатель, — это лик божества, в которое невозможно не верить». Не менее разумными представлялись согражданам и другие законоположения мудреца. Солон в своих законах определил, например, что: «Тот, кто не кормит родителей, наказуется бесчестием»; «Кто растратит

отцовское имущество — также»; «Кто празден, на того каждый желающий вправе подать в суд»; «Чего не клал, того не бери, а иначе смерть»; «Если правителя застанут пьяным, наказание — смерть».

Не меньшее значение для граждан Саламина имели и поучения Солона:

«Ничего сверх необходимого!»

«Законы подобны паутине: если в них попадает бессильный и легкий, они выдержат, если большой — он разорвет их и вырвется».

«Молчание скрепляет речи, а своевременность скрепляет молчание».

«Те, кто в силе у тиранов, подобны камешкам при счете: как камешек означает то большее число, то меньшее, так и сильные при тиранах оказываются то в блеске, то в презрении».

«От богатства родится пресыщение, от пресыщения — спесь».

«Заводить друзей не спеши, а если завел — не бросай».

«Требуя отчета от других, и сам давай отчет».

«В великих делах всем нравиться нельзя».

И все-таки удивительна мудрость греков! Правитель, государственный человек, один заменявший законодательный орган республики, садится и пишет элегии. Не о любви, не о птичках и вечерних закатах, а о том, каким должно быть правление в честном государстве. Вот как звучит

образец такого поэтического творчества на языке сухой прозы:

«Те, кто призваны быть руководителями народа и создающие личное богатство из принадлежащего обществу, поступают несправедливо и пользуются своей властью лишь для того, чтобы грабить! Они, призванные быть стражами религии, грабят алтари! Они, чье поведение должно быть примером повиновения законам и справедливости, лишь оскорбляют закон своей безграничной алчностью! Справедливость сначала молча сносит оскорбления: она лишь хранит в своем сердце память о них и готовит возмездие...»

Тема элегии расширяется. Несправедливость богатых распространяется, словно проказа, на весь город. Разгорается междоусобная война, молодежь гибнет, бедные тысячами вступают на путь изгнания, они обременены всевозможными тяготами, обречены на рабство. Развязанное богатыми общественное бедствие обращается наконец против них самих.

Солон представляет бедствие в виде Злого Гения, которого породило несправедливое богатство. Уже никакие преграды не способны приостановить справедливое возмездие. Оно пробивает стены загородных вилл, за которыми укрылись богачи.

Оно знает, где их найти, и настигает даже в темных закоулках, куда они спрятались.

Так описывает Солон катастрофу города, в котором богатые правят против совести. В последних стихах поэт славит прекрасные законы, которые хотел бы установить на своей родине:

*Благозаконие всюду являет порядок и
стройность...*

И тогда

*Всюду, где люди живут, разум с порядком
царит.*

И все же, если говорить не только о гражданском мужестве Солона, но и о его мудрости, то лучшей иллюстрацией может служить рассказ Диогена Лаэртского о медном треножнике, который выловили рыбаки и отправили его дельфийскому оракулу. Оракул изрек такие слова: «Вы спросили меня о треножнике Феба? Вот мой ответ: треножник тому, кто в мудрости первый». После чего граждане Милета поднесли треножник первому из семи мудрецов Фалесу. Тот, отказавшись от первенства в мудрости, передал треножник второму мудрецу, тот, в свою очередь, третьему. И наконец дар Феба дошел до Солона. Солон, однако, заявил, что первым в мудрости

может быть только бог, и возвратил треножник дельфийскому оракулу.

Скончался Солон на Кипре, прожив восемьдесят лет. На его гробнице граждане высекли такую надпись:

*Здесь в Саламинской земле,
сокрушившей мидийскую гордость,
Законодатель рожден — богохранимый
Солон.*

Что бы ни делал и ни произносил великий афинянин, он всегда оставался верен собственному девизу: «Слово есть образ дела».

Лао-Цзы (VI–V вв. до н. э.)

Настоящее имя — Ли Эр. Древнекитайский философ. Основные сочинения: трактат «Дао-дэ-цзин».

В давние времена где-то на самой дальней границе Поднебесной, где располагались старинные заставы, у дороги, ведущей в неведомую страну «Владычицы Запада», произошло странное явление. Страж пограничной заставы вдруг увидел облако фиолетовой окраски, двигавшееся со стороны той самой неведомой западной земли.

Наблюдательный страж оказался не простым охранником покоя великой страны, но мудрым, знающим человеком, хорошо разбирающимся в тайных знаках небес. Он понял, что облако является божественным знамением чего-то необычайного, а именно пришествия Даоженя — давно ожидаемого мудреца Дао, который должен возвестить о новом учении жизни.

И действительно, приблизившись, облако рассеялось, и перед стражем возник величественный старец, восседающий на белоснежном быке. Мудрый охранник низко поклонился путнику, а тот молча передал ему некую книгу, излучающую тонкое сияние. Это была рукопись ставшей впоследствии священной «Книги о Дао и Дэ» (Дао-дэ-цзин), в которой насчитывалось ровно пять тысяч знаков, что по современным меркам равно примерно одному газетному листу. После этого таинственный мудрец проехал заставу и больше его никто не видел.

Такова древняя китайская легенда, повествующая о «Книге пути», или «Книге Дао», автором которой был легендарный мудрец и философ Ли Эр, писавший под вымышленным именем Лао-цзы.

С самим именем Лао-цзы также связано чудесное предание. Имя переводится как «старец», а точнее, «старое дитя». Будто бы зачат он был от

проглоченной его матерью пятицветной жемчужины, в которой заключалась солнечная энергия.

Ребенок пробыл в утробе 81 год (вот откуда псевдоним «старое дитя») и вышел на свет из левого подреберья матери. Кроме того, он оказался совершенно седым. Подобное чудо, видимо, должно было свидетельствовать о врожденной мудрости Ли Эра.

В свою очередь, слово «ли» обозначает дерево, в данном случае сливу, поскольку мать родила ребенка под деревом. А слово «эр» переводится как «ухо», что указывало на непомерную длину ушей будущего мудреца. Так Ли Эр, принявший имя Лао-цзы, стал героем «Дао-дэ-дзина».

Все вышеприведенное — лишь небольшая часть народного эпоса о жизни и творчестве Лао-цзы. Во всяком случае, достоверных исторических сведений о великом китайском мыслителе гораздо меньше, чем легенд о нем. Что и понятно, если иметь в виду огромную давность происходивших событий.

В очень короткой биографии Лао-цзы, изложенной древним (II в. до н. э.) историком Сымой Цянем, сообщается, что родился философ примерно в 579 г. до н. э. в царстве Чу, уезде Ку, волости Ли, в деревне Цюйжень. Далее историк

пишет, что Ли Эр был историографом, главным хранителем государственного архива при Чжоуском царстве. Он был женат, имел сына по имени Цанг, ставшего впоследствии военачальником. Ли Эр немело лет прожил в столице Чжоуского царства г. Лояне, трудясь над официальными документами, беседуя с посетителями и гостями самых различных сословий. Впечатления от чтения древних книг, бесед с мудрыми людьми (есть предположение, что он встречался с Конфуцием) постепенно сложились в собственное восприятие природы мира, его естественных и божественных законов.

Прожив долгую жизнь, архивариус Ли Эр пришел к мысли о необходимости отказаться от общественной деятельности. Он ясно видел признаки упадка государства, в котором стали преобладать правила и порядки зарождавшегося феодального строя, осудил захватнические войны, постоянно затеваемые властолюбивыми правителями. Словом, ясно осознал, что государственная служба вступает в противоречие с естественными законами общества. Вот тогда-то Ли Эр верхом на быке и отправился в то самое путешествие, венцом которого и была передача рукописи стражу пограничной заставы. Где и когда закончил свои дни Лао-цзы, осталось для истории загадкой.

А вот учение легендарного мыслителя пережило века, став в Китае вторым по значению и популярности после конфуцианства. И все это благодаря тому самому трактату Дао-дэ-дзин, главным героем которого является сам Лао-цзы. В трактате содержится основная суть философского учения, получившего название «даосизм» и принесшего заслуженную славу китайскому мудрецу. В основу познания даосизм кладет Дао, Путь.

Как же понимать Дао и можно ли вообще его описать в виде, наиболее приближенном к тому пониманию, какое в него вкладывал китайский философ? Можно, если не ограничиваться одним или даже несколькими определениями. Вначале предоставим слово самому Лао-цзы:

«Иероглиф «дао» состоит из двух частей: «шоу» — голова, и «цзоу» — идти, поэтому основное значение этого иероглифа — дорога, по которой ходят люди, но теперь этот иероглиф приобрел переносный смысл и стал означать закономерность, закон.

Дао — корень неба и земли, Дао — мать всех вещей, Дао лежит в основе мира.

Дао не имеет вида, не издает звуков, не обладает формой. Смотришь на него, но не видишь, слушаешь его, но не слышишь, ловишь его, но не можешь поймать.

Дао рождает вещи. Дэ вскармливает их. Создавать и не присваивать, творить и не хвалиться, являясь старшим, не повелевать — вот что называется глубочайшим Дэ.

Дао рождает одно, одно рождает два, два рождают три, а три — все существа. Все существа носят в себе *инь* и *ян*, наполнены *ци* и образуют гармонию.

Дао постоянно пребывает в недеянии, но нет ничего, что бы оно ни делало».

Другое обозначение Дао — пустота. Но она не является символом «ничто». Лао-цзы сравнивает эту пустоту с предметами, чья пустота необходима: «Из глины делаются сосуды, и, поскольку сосуды внутри пусты, появляется возможность использовать их. Двери и окна выдалбливают, чтобы построить дом, и, поскольку дом внутри пуст, появляется возможность использовать его. Поэтому наличие предметов приносит пользу, а имеющаяся в них пустота делает их полными к употреблению. Дао — это пустота».

Попробуем перевести загадочную символику китайской философии на язык логики. Как известно, всякое единичное бытие, например вещь, имеет свою форму и свой образ — представление о ней. Дао как бытие всеобщее в отличие от единичного ни формы, ни образа не имеет. Иначе бы оно стояло в ряду с единичным.

Там, где в предмете присутствует «есть», Дао говорит «нет», поскольку предмет настолько изменчив, что судить о нем невозможно. Изменение адекватно движению. Но если движение всегда конечно, то Дао всегда недвижимо, а потому вечно. Раз это так, то Дао лучше всего и понятнее всего сравнить с пустотой, которая заполняется изменчивыми сущностями.

Здесь следует еще раз подчеркнуть, что пустота Дао — это образ, метафора, призванная обозначить вечно сущее начало. В оригинале стихов Лао-цзы она именуется другим понятием — «дух долины», который, в свою очередь, является образом вечного и неизменного.

В переводе на современный язык эти стихи будут выглядеть приблизительно так:

*Пустота (дух долины) — бессмертна, и я
называю ее*

глубочайшим началом.

*Вход в него именуется корнем Неба и
Земли.*

*Это начало бесконечно, как
существование,*

И действует безо всяких усилий.

Понятно, что «дух долины», приведенный в стихотворении, — это Дао, пустота. Как считали

древние китайцы, божество долины обитает в ее центре. Центр окаймляется горами, а потому и является местом ровным, как бы пустым.

Дело мудреца — видеть эту пустоту, а в ней — все противоположности мира. Да и сам мудрец должен ощущать себя в центре познания, в том месте, где легче всего видны противоположности бытия:

*Он не выходит из дому,
Знает, однако, весь мир.
Он не смотрит в окно,
Видит, однако, весь Путь.*

У Лао-цзы можно встретить немало парадоксальных изречений, например: «Путь, что может быть Путь, не есть вечный путь»; «Кривое — значит прямое»; «Великое остроумие похоже на глупость»; «Правдивые слова напоминают ложь»; «Кто говорит, тот не знает».

Чтобы по достоинству оценить такую мудрость, надо понять тонкость мышления древнекитайских философов. Их целью являлась естественная жизнь, то есть жизнь, согласная с природой. Все искусственное, «сделанное людьми», не имело цены. Поэтому идеал мудреца — не совершенный, а истинный человек (чжэньчжэнь). Описывался он так:

«Истинный человек древности:

Не радуется жизни, не отвращается от смерти.

Равнодушно уходит, равнодушно приходит.

Не забывает о том, чем все начинается, не стремится к тому, чем все заканчивается.

Следует естественному ходу вещей и не восстает против него.

Не нарушает Дао чувством любви или ненависти.

Своими действиями не стремится помогать росту Неба».

Выражение «помогать росту» во времена древнего Китая было равнозначно выражению «совершать ненужное дело» и хорошо объяснялось следующей притчей. Одному человеку, возделывавшему поле и с нетерпением ожидавшему всходов, казалось, что ростки слишком медленно поднимаются над землей. Тогда он решил им помочь и подтянуть растение вверх. Когда сыновья пришли на поле, было уже поздно: все всходы погибли.

Древнекитайский мудрец говорил в таком случае, что владелец поля «помог росту», то есть нарушил естественный ход вещей.

Другая особенность древнекитайского мышления касалась видимых вещей. Какие они на самом деле — не знает никто. Поэтому мудрец

говорил: «Всякий предмет является и тем, и этим, и ни тем, и ни этим».

Ведь и палка, опущенная в воду, кажется кривой, а путь, по которому идет толпа, может оказаться ложным.

В отличие от обычного человека мудрец видит в парадоксах естественную гармонию мира. В этом отношении смелость Лао-цзы беспрецедентна, чему могут служить такие, к примеру, высказывания: «Высшая добродетель — недобродетель. И поэтому она — добродетель»; «Низшая добродетель не перестает быть добродетелью. И поэтому она — недобродетель»; «Тяжелое — основа легкого»; «Истинные слова не бывают приятны. Приятные слова не бывают истинны»; «Добрые не бывают спорщиками, спорщики не бывают добрыми».

Путь, или Дао, как его понимал Лао-цзы, надолго определил становление и развитие китайской философии. Учение даосизма, возникшее после V в. до н. э., провозгласило автономность, независимость человеческой личности, стихийность ее природы. Получалось, что никаких твердых норм поведения для Дао не существует. Такая «антиэтика» предполагала полное отрицание общественных институтов — государства, общества, принятой в нем морали. Для последователей даосизма эти институты, их

принципы являлись только средством для подавления свободы личности.

Собственно, и само понятие «ценности» утрачивало всякий смысл. На первый взгляд такая философия делала шаг назад по сравнению, например, с конфуцианством или европейскими идеалами, воплощенными Платоном, Эпиктетом, Сенекой. На самом же деле Дао, параллельно с античной мудростью, закладывало краеугольный камень того фундамента, на котором впоследствии была построена вся европейская, и не только европейская, цивилизация. Во всяком случае, идеи свободного творчества, независимых искусств обнаружили прямую генетическую связь с идеями Дао — пути раскрепощения творческих сил, вольного парения фантазии художника.

Математически выверенная логика Дао переплавилась, как ни удивительно, в сферу эмоционального, чувственного, восприимчивого ко всем проявлениям иррационального сознания. Дао обозначило путь не столько прагматически мыслящего политика, сколько судьбу художника, не связанного с условностями общества.

И если сегодня кто-то из начинающих талантов, возмутителей эстетических канонов заявляет о себе без всякого страха, то не в последнюю очередь он обязан своей свободой китайскому мудрецу Лао-цзы. Мыслителю,

разрушившему незыблемые границы творческой личности: «Высшее добро подобно воде. Добро, которое оказывает вода, приносит пользу всем существам, и она не борется с ними. Вода находится в тех местах, которыми гнушаются люди, поэтому она похожа на Дао».

Конфуций **(551 г. — 479 г. до н. э.)**

Древнекитайский философ, политик.
Основные сочинения: «Книга песен»; «Книга перемен»; «Беседы и суждения» («Лунь юй»).

У каждого народа есть свой «золотой век», период истории, которым гордятся все последующие поколения. В Египте это царствование первых Рамзесов, у шумеров — время героя Гильгамеша, в Вавилонии — царство Навуходоносора, в Древней Греции — века расцвета афинского государства.

В Китае золотой век относят к эпохе царства Чжоу (XII в. до н. э.). По представлению древних китайцев, это было время всеобщего благоденствия, порядка, справедливости, развития наук и культуры. Так, во всяком случае, виделось потомкам — мудрецам VI, V вв. до н. э., того самого времени, когда жил и творил Конфуций, основатель классического китайского учения — конфуцианства.

Конфуций принадлежал к старинному аристократическому роду, начало которому было положено династией Шань-Инь, правившей в Китае до XI в. до н. э. Дальним предком Конфуция якобы был правитель по имени Кун, который претерпел немало жизненных испытаний и погиб в результате дворцовых интриг. Спасшиеся члены его клана бежали в царство Лу, где и родился Конфуций, получивший при рождении имя Кун-фу-цзы, что означало «учитель Кун». На Западе это имя

приобрело латинизированное звучание Конфуций и стало общеупотребительным.

Отец Конфуция Шу-лян-хэ был храбрым солдатом, ставшим позже комендантом крепости Цзоу. Легенда изображает его человеком огромного роста и необычайной силы, славным в боях и неутомимым в службе. От своей жены он имел девять дочерей. Только на восьмом десятке лет, после того как старый комендант женился на юной девушке из рода Янь, у него родился мальчик, прославившийся в веках как родоначальник китайской философии.

О детстве Куна почти не сохранилось документальных свидетельств. По-видимому, он рос мальчиком сообразительным и способным, о чем можно судить по словам, сказанным самим Конфуцием в зрелом возрасте: «В 15 лет я ощутил потребность в учебе». Из-за бедственного положения семьи Кун эту потребность удовлетворял, главным образом, путем самообразования. Самостоятельно овладел письмом, стал изучать литературу и философию. 19-летним юношей он женился на девушке из семьи Ци. А через год у молодых супругов родился сын, получивший имя Ли.

И все же отнюдь не семейная жизнь была средоточием интересов и забот Конфуция. Большую часть своего времени он посвящал книгам

и ученикам, предпочитая чаще находиться в одиночестве или со своими последователями. Но не уклонялся и от общественных обязанностей: Конфуций служил хранителем амбаров, заведовал полями и фермами, осуществлял надзор над продовольственными поставками. Чиновником он был честным, добросовестным, но при этом не считал службу главным делом. Изучив до тонкостей свод китайских церемониальных обрядов, правил и предписаний, 30-летний Конфуций уже мог позволить себе иметь более широкий круг учеников. Плату с них брал умеренную, хотя впоследствии жил на средства, предоставляемые состоятельными последователями.

Молва о молодом ученом и знатоке древних китайских традиций распространялась все шире. Существует предание, что в период составления «Книги песен», в которую вошли стихи, песни и фольклор X–V вв. до н. э., Конфуций встречался с Лао-цзы, своим старшим современником. Во время этой знаменательной встречи престарелый философ якобы выразил сомнение относительно ученых занятий Конфуция, посчитав их пустыми мечтаниями. Конфуция тем не менее такая оценка не смутила, как до этого не очень беспокоила критика аскетов-проповедников, считавших его популярность слишком преувеличенной. В эти годы

Конфуций немало ездил по стране, стремясь не столько распространять знания, сколько найти мудрого правителя, которому мог бы принести пользу. Наконец в 497 г. до н. э. после долгих странствий он прибыл в родное царство Лу, которым правил тогда достойный, по его мнению, государь. Конфуций был назначен губернатором города Чжун-Ду, что позволяло ему на практике осуществлять идеи разумного управления. Однако при исполнении обязанностей новоиспеченный губернатор неожиданно столкнулся с политической оппозицией, не желавшей никаких перемен.

Убедившись в том, что князья не нуждаются в его наставлениях, Конфуций отказался от должности, чтобы служить своему народу иным способом. Наступили годы скитаний. Кочуя по городам и селениям вместе с учениками, Конфуций учил их старинным китайским обрядам, беседовал о литературе и древнекитайской мудрости. Именно из этих бесед был составлен главный трактат Конфуция — «Лунь юй» («Беседы и суждения»), который, несомненно, опирался на древние памятники, рассказывавшие и о мифических царях Поднебесной Яо, Шуне, Юе и об основателях царства Чжоу — Вэнь-ване, У-ване, Чжоу-гуне. В трактате Конфуций предпринял попытку восславить золотой век своей страны и призвать к восстановлению древних традиций. Создавая

картину наилучшего общественного строя и стремясь придать ей убедительность, философ постоянно ссыался на то, что такой строй уже когда-то был. Эпоха Чжоу, словно маяк, должна была освещать жизнь всего народа.

Говоря об истоках сочинения «Лунь юй», следует иметь в виду, что оно опиралось прежде всего на знаменитую древнекитайскую «Ицзин» («Книгу перемен»), о которой Конфуций говорил: «Если бы мне прибавилось годов жизни, я еще лет пятьдесят изучал бы «Ицзин» и, возможно, избежал бы многих ошибок». Конфуций не случайно так высоко оценивал древнейший поэтический и философский памятник. «Книга перемен» давала ключ к основным началам бытия, причем самым оригинальным, с современной точки зрения, способом — с помощью гадательных триграмм (чертежей) — гуа.

Своеобразие системы заключалось в том, что она строилась на противоположных символах — положительного Ян и отрицательного Инь. Оба слова составляют образ горы — освещенная часть горы — Ян, теневая сторона — Инь. В этом образе заключался целый ряд противопоставлений — небо и земля, день и ночь, жар и голод, мужчина и женщина.

В итоге триграммы стали символами перемен, сопровождающими не только человеческое, но и

вселенское бытие. К каждой триграмме прилагались словесные формулы, напоминающие загадочные афоризмы, которые не так-то просто расшифровать.

Как пример можно привести изречение, украшающее одну из триграмм: «Выйдешь, войдешь — не будет вреда. Друзья придут — хулы не будет. Вернешься обратно на свой путь. Через семь дней возврат. Благоприятно иметь куда выступать» и т. д.

Ученые позднего времени отмечали необычность и точность афоризмов Ицзин. Афоризмы прямо, непосредственно и сразу действовали и на разум, и на чувство, мгновенно создавая определенный образ.

Был здесь и особый свод «Правил» (ли), которым Конфуций давал такую оценку:

«С песен начинают, на Правилах утверждаются, музыкой завершают.

На то, что не Правила, не смотри!

Того, что не Правила, не слушай!

Того, что не Правила, не говори!»

Правила представляют собой предписания, определяющие поведение людей, их общественные обязанности и законы управления государством. Их можно назвать и нормами обычного права и государственного закона, выработанными жизненным опытом.

Правила различали два качества в человеке — *чжи* и *вэнь*. Под *чжи* понималась человеческая натура, природные качества личности. А вот *вэнь* — нечто приобретенное, усвоенное человеком и, несомненно, его улучшающее.

Конфуций так определял сферу *вэнь*: «Когда молодой человек почителен к родителям, привязан к братьям; когда он скромн, правдив; когда он с любовью относится к людям — он этим всем приближается к человеческому началу в себе. И если у него еще останутся силы, он изучает *вэнь*».

Следовательно, *вэнь* — не обычное свойство человеческой природы, а приобретаемые моральные качества. *Вэнь* — то, что изучают, то, чем человек обогащает себя, свой внутренний мир.

В целом главная тема «Бесед и суждений» — проповедь идеального общества, прославление совершенного человека и его гуманистической сущности. Пример у Конфуция всегда перед глазами: «золотой век» с его героизированными правителями.

В те времена, по свидетельству философа, людьми правил только достойный, каким бы ни было его происхождение. Поэтому престол древнего царства передавался не по наследству, а по достоинству. Такой порядок установил еще первый правитель «золотого века», легендарный император Яо. Наставляя своего преемника, он

говорил: «О Шунь! Судьба пала на тебя. Твердо придерживайся во всем середины. Когда страна страдает, блага неба кончаются навсегда».

Перечень обязанностей правителя был прост и понятен древнему китайцу так же, как он понятен и современному жителю земли: пища для людей; оплакивание для умерших; служение для живущих. Моральный кодекс правителя и любого благородного человека так же краток, как и вся китайская философия:

«Когда широки душою — приобретаются сердца людей.

Когда искренни и правдивы — приобретается доверие людей.

Когда усердны и сообразительны — дело делается.

Когда беспристрастны и справедливы — все кругом довольны».

Список добродетелей Конфуций продолжил в диалоге с учеником, определив пять прекрасных вещей, которые следует чтить:

«Быть добрым, но не излишествовать.

Заставлять работать, но так, чтобы не было ропота.

Желать, но не жадничать.

Иметь силу, но не быть жестоким.

Обладать широтой духа, но не знать гордыни».

Назвал Конфуций и качества, которые следует искоренять:

«Не наставлять, а убивать — жестокость.

Не предостерегать, а судить только по тому, что случилось, — беззаконие.

Не давать указаний, а только гнать к сроку — разбой.

Давать людям и при том скупиться — худшее из качеств представителей власти».

Первопричину зла Конфуций видел в несовершенстве человека. Улучшить его можно с помощью чжи (человеческое начало), того, что составляет саму суть нашей природы. А средство для совершенствования заключается в том же качестве вэнь — стремлении к знанию, образованности, просвещению, интеллектуальной культуре и высокой морали. Такую задачу Конфуций определил как Дао (путь).

Время странствий не всегда было счастливым для Конфуция. Он считал, что, несмотря на преданность учеников, его «суждения» все еще мало распространены в стране. «Дни мои на исходе, — говорил он, — а я все еще неизвестен». И добавлял: «Но я не ропщу. Небо знает меня».

О неизбежности кончины философу напомнила и потеря близких людей. Сначала умерла жена, затем скончался сын, а за ним любимый ученик Янь-юань. Это повергло

Конфуция в тягостные размышления о мимолетности жизни и неотвратимости конца. «Все преходяще, — замечал мыслитель, — подобно течению, жизнь не останавливается ни днем, ни ночью». Не раз Конфуцию грозила смертельная опасность. В смутные времена вражды и междоусобиц любой путник мог легко стать жертвой грабителей. Однажды дом, где пребывал философ с учениками, окружила злобная толпа фанатиков, и только чудом ему удалось избежать расправы.

Умер Конфуций в 479 г. до н. э. в возрасте 72 лет, сказав перед смертью с горечью: «Кто после меня возьмет на себя труд продолжить мое учение?»

Философ сомневался напрасно: таких людей очень скоро в Китае оказалось немало. Вторым после Конфуция столпом его учения был философ Мэн-цзы (370–289 гг. до н. э.), полностью принявший положение о «человеческом начале» и понявший его точно так же, как и учитель, то есть как «любовь к людям». Эти прекрасные качества, свойственные человеческой природе, исходят от «неба» — высшей направляющей силы мира.

Сюнь-цзы (298–238 гг. до н. э.), представитель следующего поколения конфуцианства, существенно скорректировал идеи своих предшественников и учителей. Он объявил, что в

основе человеческой природы лежит зло. И только неустанным самосовершенствованием можно преодолеть это негативное природное начало. А в качестве средств преодоления первичного зла он назвал так любезные сердцу Конфуция Правила и музыку — лучшие духовные гармонизаторы человеческой личности.

В XI–XII вв. в лице Чжу-си неоконфуцианство обрело новые импульсы. Философ эпохи Сун определил два начала вещей: ли (разумная творческая сила) и ци (пассивная материя). Первая сила образует в человеке стремление к добру, а вторая подчиняет его чувственным соблазнам. Ли — идеальная субстанция, не имеющая формы и качества, она недоступна чувственному восприятию, но определяет идеальную форму существования личности.

И все же, несмотря на попытки ясно и последовательно изложить суть конфуцианских идей, система выдающегося китайского мыслителя и его последователей так и осталась непроясненной для европейского ума. Древняя самобытная мудрость Китая оставила наследство великое и скрытое, каким был и сам народ, стоявший у истоков мировой цивилизации.

Пифагор (ок. 580 г. — ок. 500 г. до н. э.)

Древнегреческий философ, политический деятель, религиозно-нравственный реформатор, математик. Основные сочинения: «О природе»; «О государстве»; «О воспитании»; «О душе»; «О мире»; «Священное слово».

О своем чудесном происхождении Пифагор поведал сам. Будто бы божественный Гермес

предложил своему сыну Эфалиду выбрать любой дар, кроме бессмертия. Эфалид попросил оставить ему живому и мертвому воспоминания о собственных человеческих воплощениях. Гермес даровал сыну скипетр, знание магии, чисел и память о его перевоплощениях. Так Эфалид узнал, в каких растениях и животных пребывал ранее, что претерпела его душа в подземном царстве Аида и что испытывают там остальные умершие. Когда Эфалид умер, душа его воплотилась в героя Троянской войны Евфорба, раненного Менелаем, о чем повествует Гомер в XVI песне «Илиады».

После смерти Евфорба его сущность перешла к легендарному философу и колдуну Гермотиму, который в подтверждение своей связи с Евфорбом точно указал место, где находился щит Менелая.

После Гермотима душа сына Гермеса переселилась в делосского рыбака Пирра, по-прежнему помнившего все, что с ним было ранее. После Пирра сущность Гермесова сына воплотилась в Пифагоре...

Нельзя сказать, что современники Пифагора вовсе не верили этой легенде, но и всерьез к ней относились немногие. Можно и сегодня отнестись к преданию о божественном происхождении Пифагора с улыбкой. Но невозможно усомниться в том, что природа наделила его чрезвычайными дарованиями: он был математиком, философом,

астрономом, законодателем, теоретиком музыки, врачом, аскетом, мистиком и прорицателем. Столько талантов, кажется, не обнаружил никто из выдающихся афинян.

Что же касается подлинной биографии Пифагора, то она известна, главным образом, в изложении учеников и последователей, которых у него было так много, как ни у кого другого из античных философов. Согласно этим сведениям Пифагор родился примерно ок. 580 (576) г. до н. э. в городе Самосе, поэтому к его имени добавляют уточнение Самосский. Отец его Менесахр, по одной версии, был торговцем, по другой — камнерезом и художником, будто бы изготовившим необычайной красоты перстень, который носил самосский тиран Поликрат. В книгах о Пифагоре упоминается также мать по имени Пифана «из потомства Аннея, основателя Самоса». Там же говорится и о том, что у Пифагора был сын Аримнест, наставник Демокрита.

Поскольку с детских лет Пифагор проявил удивительные способности к наукам, Менесахр отправил сына в город Тир к халдеям, где юный ученик постигал первые азы грамоты и математики. Вернувшись в Ионию, он продолжил занятия у философа Ференида Сиросского, а затем у Гермадаманта, который учил мальчика музыке, живописи, заставлял заучивать фрагменты песен из

«Илиады» и «Одиссеи». Кроме этих наук, Пифагор изучал астрологию, медицину, то есть те предметы, которые были обязательными для того, чтобы курс обучения молодых самосцев считался завершённым.

Примерно в 547 г. Пифагор приехал в малоазийский город Милет, где стал учеником одного из семи греческих мудрецов Фалеса и философа Анаксимандра, который обучал его основам геометрии и астрономии. Фалес в молодости жил в Египте и, видимо, рассказал ученику о высоком уровне культуры этой восточной страны. Пифагор, с детства стремившийся к знаниям, не задумываясь отправился в далекое путешествие, которое продлилось не одно десятилетие. В Египте он жил у жрецов, овладевая их мудростью. В совершенстве изучил египетский язык с его тремя азбуками — письменной, священной и символической. Первая обозначала повседневный язык, а две другие — иносказательный, символический. У арабов он жил при царском дворе, а в Вавилонии у халдейских жрецов, которые научили Пифагора толкованиям снов и предсказаниям.

В те времена «скрытые знания» еще существовали среди жрецов Вавилона и Египта, но далеко не всех посвящали в эти знания. Пифагору их открыли, подтвердив тем самым его

избранничество. Впрочем, к тайнам священнослужителей Пифагор был допущен не сразу. Ему пришлось выдержать немало трудных испытаний, которые, к тому же, противоречили эллинским обычаям. Однако Пифагор, поразив жрецов своими знаниями, был допущен даже к богослужению и жертвоприношениям, что было немыслимо для чужеземцев.

Следует также отметить, что Пифагор первым из эллинов познакомился и с учением Заратустры. Он принял очищение от последователей пророка и получил важные сведения о таинстве смерти, странствующих душах, воскресении и вечной жизни после божественного суда над человечеством.

Вернувшись после долгих странствий в Ионию, Пифагор устроил на родине училище, названное «Пифагоровой оградой», где самосцы собирались на совет по общественным делам. А за городом Пифагор приспособил для занятий философией пещеру и проводил там почти все время, беседуя с друзьями и учениками. Но вскоре 40-летний Пифагор увидел, что тирания правителя Поликрата слишком сурова, чтобы при ней человек мог чувствовать себя свободным. Тогда философ отправился в Италию. В первом же городе, Кротоне, Пифагор сразу привлек всеобщее внимание как человек много странствовавший,

много знающий и одаренный природой и судьбой. Величавость, благородство, красота и обаяние Пифагора произвели на горожан неизгладимое впечатление. Сначала он покориł своими речами городских старейшин, затем по просьбе властей обратился к юношам и детям. Говорил философ о том, что душа человека бессмертна, что все рожденное вновь появляется на свет через определенные промежутки времени, что ничего нового нет на свете, а все живое должно считаться родственным друг другу.

Популярность Пифагора была настолько велика в Италии, что после одной из его речей сотни людей организовали огромное училище, чтобы изучать Пифагоровы законы и соблюдать все его предписания. Не удивительно, что итальянцы причислили философа к богам и сочинили в его честь множество посвящений. Дело доходило до того, что тираны, под впечатлением от мудрости Пифагора, слагали с себя власть, а богатство раздавали бедным.

Облик божественности придавали Пифагору и его рассказы о посещении царства мертвых, о том, что происходит по ту сторону бытия. Слушатели немели от ужаса и восторга, когда узнавали, что мудрец долгое время пребывал под землей и вышел из пещеры весь иссохший.

По свидетельству античных историков, Пифагор великолепно понимал язык природы — животных, растений, птиц и даже стихий. Эти легенды передавались греками из поколения в поколение.

Кроме того, афинский мудрец, по рассказам современников, безошибочно предсказывал землетрясения, останавливал моровые болезни, отвращал град и ураганы, укрощал морские волны. Эти дарования дали повод философу Эмпедоклу для следующих стихов:

*Жил Пифагор, умудренный безмерным
познанием,
Подлинно мыслей высоких владевший
сокровищем ценным,
В разных искусствах премудрых свой ум
глубоко изощивший.
Ибо, как скоро всю силу ума напрягал он к
познанию,
То без труда созерцал все несчетные мира
явленья,
За десять или за двадцать людских
поколений провидя.*

«Безмерные познания», «созерцание несчетных явлений мира», «сокровище мыслей» наглядно демонстрировали ни с чем не сравнимую

остроту зрения, слуха и мыслей Пифагора. Необычными были и его представления о Космосе. Звуки семи планет, неподвижных звезд он отождествлял с Музами, а их согласие и созвучие представлял в едином сплетении, вечном и безначальном.

Легенды и мифы в древности сопровождали жизнь любой значительной личности, но Пифагора народная молва одарила таким числом реальных и фантастических качеств, что кажется, будто мы действительно имеем дело с человеком божественным. Возможно, все эти предания каким-то образом связаны с мистицизмом Пифагора, его посвящением в восточные мистерии. Известно, например, что оккультисты, магистры тайных наук всегда считали самосского мудреца Избранным, Посвященным. Но важно и то, что и древние историки, и философы нового времени одинаково сходились в признании Пифагора знаменитейшей и мудрейшей личностью всех эпох.

О повседневной жизни Пифагора известно из рассказов историков Диогена Лаэртского и Порфирия. По их словам, философ учил искоренять в себе корыстолюбие и тщеславие, так как корысть и слава возбуждают зависть. В шумных сборищах советовал не участвовать, а успокаивать душу рекомендовал игрой на старинных инструментах.

Жертвы богам Пифагор, бывший вегетарианцем, приносил исключительно мукой, лепешками, ладаном и миррой. И даже когда открыл, что в прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов, то принес в жертву быка, сделанного из печеного пшеничного теста. Пифагореец математик Аполлодор сочинил об этом такую эпиграмму:

*В день, когда Пифагор открыл свой
чертеж знаменитый,
Славную он за него жертву быками
воздвиг.*

Здесь следует отметить, что вегетарианство хоть и не было для греков в диковинку, все же вызывало иронию по отношению к тем, кто соблюдал запрет на все мясное. Не избежал насмешек и Пифагор. Диоген Лаэртский приводит два шуточных четверостишья на тему вегетарианства Пифагора:

*Был Пифагор такой уж мудрец, что пищу
мясную
В рот принимать не желал — грех-де
неправедный в том!
Всем остальным он, однако же, мясо
давал без запрета —*

«Сам, — говорил, — не грешу: пусть остальные грешат!»

** * **

*Одушевленных созданий не трогаешь
хищной рукою*

Ты не один, Пифагор: делаем то же и мы.

*В том, что проварено, в том, что
зажарено,*

в том, что под солью,

*Верно, уж нету души, — есть лишь
законная снедь.*

Пифагору принадлежат открытия не только в геометрии, но и в области чисел. Он считал, что первообразы и первоначала трудно поддаются словесному описанию. Суть образов мира яснее всего обозначают числовые выражения.

Единица символизирует понятие единства, тождества, цельности. Она присутствует во всем, что состоит из частей, и причастна к первопричине.

Двойка — символ изменчивости, неравенства, делимости, несходства и противоположности.

Все, что имеет начало, середину и конец, именуется тройкой и воплощено в треугольнике. Из троичности возникает все совершенное, упорядоченное и законченное.

Четверка, или квадрат, несет в себе образ божественной природы. В ней сочетаются высокое достоинство, сила, целостность.

Совершеннейшее из чисел — десятка, получаемая путем сложения единицы, двойки, тройки и четверки. В ней заключено всякое различие между числами, их подобия и отношения. Все, что возникает, растет и завершается, раскрываясь в отношениях и подобиях, может быть обозначено цифрой 10.

Диоген Лаэртский писал, что из-за своей скрытности, загадочности пифагорейская философия воспринималась с трудом и впоследствии была почти забыта. Самым же верным своим последователям Пифагор дал указание не разглашать некоторых тайн учения, чтобы сохранить его в первоизданном виде.

Что стояло за некоторыми символами Пифагора, можно видеть на примере десяти его заповедей. Долгое время они оставались символическими, мало о чем говорящими непосвященным. В III в. н. э. их попытался прокомментировать выдающийся философ Ямвлих. Вот как он расшифровал десять тезисов греческого мудреца.

1. Отклоняйся от дорог исхоженных, ищи нехоженные пути. — Тот, кто ищет мудрости, должен искать ее в уединении.

2. Будь хозяином своему языку прежде всех других вещей, следуя при этом богам. — Предупреждение человеку, что его слова могут вводить других в заблуждение. Если есть сомнение — лучше промолчать.

3. Дует ветер, поклоняйся шуму. — Напоминание ученикам, что бог указывает слушать голос элементов и что все вещи в природе проявляются через гармонию, ритм, порядок или действие, приписываемое богу.

4. Помогай человеку в поднятии тяжести, но не в сложении ее. — Учись помогать старательным, но не помогай ленивым, тем, кто избегает ответственности.

5. Не говори о делах пифагорейского учения без света. — Мир предупреждается о том, что не следует толковать божьи тайны и секреты науки без духовного и интеллектуального просвещения.

6. Выйдя из дома, не возвращайся, иначе в нем будут обитать фурии. — Предупреждение: начав поиски истины и таинств, нельзя возвращаться к невежеству и порокам. Лучше ничего не знать о божественном, чем изучить малость и остановиться на полпути.

7. Корми петуха, но не приноси его в жертву, так как он посвящен Солнцу и Луне. — Два важных урока в этом афоризме. Первый: не следует приносить в жертву богам живых существ, так как

живая жизнь священна. Человеческое тело — его символ Петух — должно сохраняться как наиболее драгоценное средство человеческого воплощения. Второе: Пифагор предостерегал учеников от самоубийства.

8. Не позволяй ласточкам селиться в твоём доме. — Предупреждение искателю истины, чтобы он не позволял проникать в свой ум блуждающим мыслям или же входить в свою жизнь людям, не способным к духовному изменению.

9. Не протягивай охотно свою правую руку никому. — Предупреждение ученику: следует иметь собственный ум и не делиться мудростью и знанием с теми, кто не способен это оценить. Только время помогает в преодолении человеческого невежества.

10. Поднявшись с постели, сгладь отпечатки своего тела. — Надо устранить все воспоминания о своей духовной темноте. Мудрый человек не оставляет позади себя форму, которую менее разумные люди могут принять за форму для изготовления идола.

Даже смерть Пифагора породила множество мифов. По одному из них он бежал от мятежа в святилище Муз, оставался там без пищи целых сорок дней и исчез неизвестно куда.

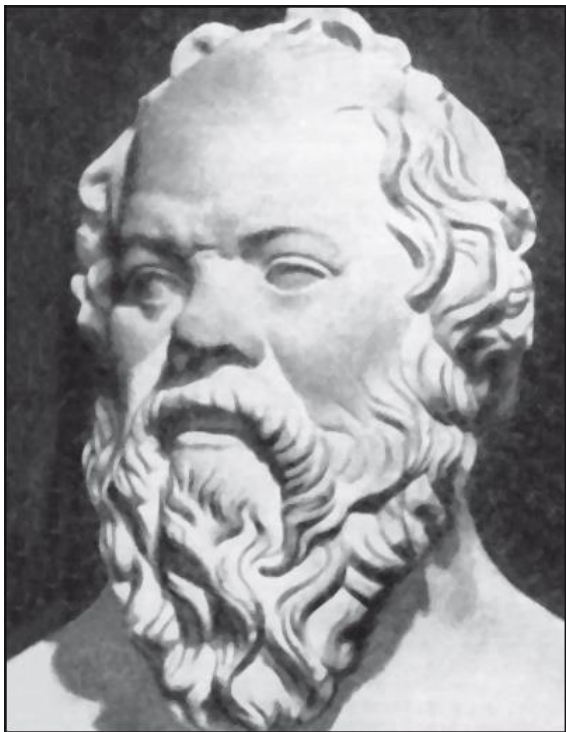
Другая версия — Пифагор погиб, когда дом, где он находился с учениками, подожгли недоброжелатели.

И, наконец, согласно третьей версии, Пифагор все-таки спасся, пройдя сквозь огонь по пути, проложенному телами учеников. Однако без своих учеников, без своей школы Пифагор жить не смог. Оставшись в одиночестве, он затосковал и лишил себя жизни.

Выше говорилось о многих достоинствах самосского мудреца, но следует еще вспомнить о его безграничном упорстве и мужестве. Свой знаменитый афоризм «Власть воли так сильна, что может взять верх над неизбежностью» Пифагор подтвердил удивительной жизнью.

Сократ **(469 г. — 399 г. до н. э.)**

Древнегреческий философ. Учение Сократа известно, главным образом, из свидетельств его последователей, и в частности, ближайшего ученика Платона, изложившего идеи учителя в знаменитой «Апологии Сократа».

Древнегреческого философа и мудреца Сократа во все века почитали одним из самых выдающихся людей древнего мира. Его личная жизнь и философское учение были настолько сплетены в единое целое, что современникам, да и последующим поколениям мыслителей Сократ казался идеальным воплощением человеческой

личности. Таким представил читателям своего учителя философ Платон, не менее примечательную характеристику еще при жизни великого грека дала и знаменитая афинская пифия, сообщившая горожанам:

*Хотя мудр Софокл, а Еврипид еще мудрей,
Сократ превыше всех своею мудростью.*

О жизни философа создано много легенд, иногда достоверных, а иногда сомнительных. Но в том, что Сократ прожил жизнь яркую, цельную, свободную и достойную всяческого подражания, сходятся все историки и биографы, начиная с Платона и Ксенофонта, первых авторов жизнеописания их учителя.

Сын скульптора Софрониска и повивальной бабки Фенареты Сократ родился ок. 469 г. в Афинах. В молодости он обучался у отца камнетесному делу и даже считался способным ваятелем. Но, видимо, эта профессия не приносила удовлетворения молодому скульптору, и вскоре он ушел из мастерской отца, чтобы у образованного афинянина Критона обучаться риторике и софистической премудрости. Среди учителей Сократа упоминаются знаменитый софист Продик Кеосский, придававший большое значение моральным проблемам в философии, а также

Аспазия, супруга главы афинской демократии Перикла, учившая молодого философа риторике. Музыкой Сократ занимался с Дамоном, наставником Перикла, математикой — с ученым геометром и астрономом Феодором из Кирены. А вот к основному методу философской беседы, основанному на вопросах и ответах, Сократа приобщала удивительная женщина Диотима, известная афинская жрица и пророчица, безусловно владевшая диалектикой и логикой.

Как видим, Сократ вовсе не был самоучкой и по тому времени получил вполне достойное образование, что, впрочем, никак не повлияло на образ жизни философа. И в молодости, и в зрелом возрасте он довольствовался малым и лишь самым необходимым. Этим своим простым житьем всегда гордился, ни от кого не принимал ни денег, ни иной помощи, к богатству не стремился, говоря, что чем меньше человеку надо, тем ближе он к богам.

Всю свою жизнь Сократ прожил в Афинах, не испытывая, как иные философы, тяги к путешествиям. В то же время, когда потребовалось, он без раздумий отправился в военный поход, чтобы защитить свой город. Сражался храбро, а в битве при Делии спас жизнь своему ученику и будущему философу Ксенофону. Участвовал Сократ и в сражении при Потидее, проявил там

большую выдержку и даже получил награду за доблесть.

По свидетельству Аристотеля, Сократ был женат дважды — на Ксантиппе, от которой имел сына, и на Мирто, дочери Аристида, родившей философу еще двух сыновей. Правда, некоторые историки, в частности Сатир и Иероним, утверждали, что жил Сократ сразу с обеими женщинами, поскольку афиняне для возмещения убыли населения разрешали гражданам жениться на одной женщине и иметь детей от другой.

Истории все же больше известна Ксантиппа, чье имя стало нарицательным из-за сварливого характера. Сам Сократ терпеливо сносил брюзжание и выходки жены. С философским спокойствием и добродушной иронией отвечал на придирки неугомонной супруги мудрыми изречениями, меткими словечками, обезоруживавшими любые нападки.

Сократ был первым, как сказали бы сейчас, публичным философом. Свои беседы он вел на улицах родного города с людьми самыми разными — торговцами, солдатами, перекупщиками, лавочниками, богачами и бедняками, аристократами и бродягами. Популярность его среди афинян была огромной, хотя, конечно, далеко не все восторгались необычными речами уличного философа. Среди таких насмешников встречались и

люди весьма образованные и даже творческие. Первый из них комедиограф Аристофан, который в 423 г. до н. э. сделал Сократа главным действующим лицом своей пьесы «Облака».

Ко времени написания пьесы Сократу было 46 лет. Его хорошо знали афиняне по речам и беседам на городских улицах. В соответствии с жанром комедии Аристофан создал весьма карикатурный образ Сократа, запечатленный, правда, живыми и яркими красками. Персонаж легко узнавался благодаря театральной маске «ученого доктора», характерной для большинства народных комедий.

Эффект смешного, по замыслу Аристофана, состоял в том, что этот ученый доктор объяснял явления природы, обходясь при этом без божественных сил. Скажем, дождь и гроза случаются благодаря тучам, а не Зевсу, а сами боги похожи на облака, плывущие неведомо куда. Ученый доктор решает и более «глубокомысленные вопросы»: «чем питается комар — гортанью или задним местом?»; «на сколько блошиных стоп прыгают блохи» и тому подобное. С другой стороны, Сократ из аристофановской пьесы развращает юношество, предлагая надежные способы избежать наказания за некоторые проступки, например за прелюбодеяние.

Таким образом, перед зрителями изобличались два порока: атеизм (непочтение к

богам) и развращение юношества. Спустя 24 года эти же обвинения слово в слово повторяют судьи Сократа в смертном приговоре. Строгие блюстители нравов и законности утверждали: Сократ в сопровождении праздных людей публично рассуждает о высшем благе, критикует общепринятые взгляды и мнения, призывает сограждан не заботиться ни о чем, кроме своей души. В платоновской «Апологии Сократа» слова мудреца звучат так: «Ведь я только и делаю, что убеждаю каждого из вас, молодого и старого, заботиться раньше и сильнее не о телах ваших или о деньгах, но о душе, чтобы она была как можно лучше. Я говорю вам: не от денег рождается доблесть, а от доблести бывают у людей деньги и прочие блага как в частной жизни, так и в общественной».

Возможно, с точки зрения философа, Сократ прав, говорили критики, но его речи не дают народу хлеба и не побуждают к подчинению власти, призывающей отдавать все силы отечеству. Именно так рассуждали афинские правители Анит и Ликон. Их, как и некоторых других властителей, возмущал и атеизм Сократа. Ведь мудрец заявлял: «Единственное, что известно ему о божестве, — это то, что о нем ничего определенного сказать невозможно».

Кроме того, говорили представители власти, у Сократа есть свой собственный бог, которого он называет своим демоном (даймоном). Сократ слышит голос демона, но ведь известно, что никто не имеет права слушать голоса, за исключением пифий и жрецов, никто не имеет права говорить о богах, неведомых полису.

Что же Сократ имел в виду на самом деле, говоря о богах? Да только то, что отказывался вторгаться в ту область природы, которая являлась обителью божественного. Он боялся заставлять бога говорить на языке человеческой глупости, предпочитая молчать перед лицом высшей тайны. Только непознанного и неопределимого бога можно назвать совершенным и благим. Его неизреченная мудрость олицетворяется в законе, который доступен пониманию каждой человеческой души. Что же касается так называемого даймона, то и здесь Сократ не грешил против богов. Он полагал, что даймон есть не что иное, как божественный внутренний голос, запрещающий человеку совершать те или иные неблагоприятные поступки.

Разумеется, если бы Сократ проповедовал лишь то, в чем был обвинен, он вряд ли бы прославился в веках. Значение этого великого философа гораздо шире любых определений, а его новаторство превосходит все оценки. В целом Сократ не признавал проблем, которые решали

философы его времени, — о природе, о первоначалах, о мироздании и тому подобное. По Сократу, философия должна заниматься не столько природой, сколько человеком, его нравственными качествами и сущностью знаний, то есть вопросами этики.

Для обоснования своих взглядов великий афинянин избрал собственный метод доказательства, вошедший в историю как сократовский. Метод этот — искусство диалектического спора. Суть его в том, чтобы дать различные определения одному понятию, то есть рассмотреть его со всех сторон. В этом, по мнению Сократа, и должна рождаться истина. Для ее достижения используется форма диалога, и это тоже огромная заслуга философа, досконально разработавшего подобную форму, которая сделала философскую беседу искусством.

Но мало кому из современников было дано распознать, что стоит за философией Сократа. Большинство воспринимало его в лучшем случае как чудака, а в худшем как осквернителя нравов. В феврале 399 г. до н. э., когда Сократу было уже 70 лет, молодой афинский поэт по имени Милет выставил в портике архонта (царя) жалобу против Сократа. Возможно, он действительно испытывал возмущение, а может, таким способом хотел добиться известности. Оратор Ликон вместе с

Анитом скрепили своими подписями жалобу Милета, текст которой гласил: «Сократ виновен в неверии в богов, признаваемых государством, и в том, что ввел в полис новые божества. Он также виновен в совращении молодых людей. Предлагаемое наказание: смерть».

Подобный приговор в условиях афинской демократии требует некоторого разъяснения. Обвинение в безбожии не было чем-то новым в Афинах. До случая с Сократом было, по меньшей мере, три прецедента, когда за это привлекали к суду. Так было с Анаксагором, Протагором и Диагором Мелосским.

Вообще же в Афинах господствовала терпимость. И этот город отнюдь не был местом, где процветала некая фанатичная инквизиция. Но в атмосфере свободы власть иногда из соображений исключительно политических поддерживала обвинение в безбожии с целью заставить замолчать человека, речи которого казались опасными для общины. Причем допускалось, что в случае начала суда обвиняемый мог пообещать прекратить свои выступления или, наконец, уехать из государства.

Сократ не захотел исполнить ни то, ни другое. Во время судебного разбирательства он сделал многое, чтобы настроить против себя народ. Создается впечатление, что Сократ гораздо настойчивей добивался смерти, чем его обвинители.

Вот загадка, которая до сих пор не разрешена исследователями до конца. Впрочем, Сократ не ждал, что судилище будет беспристрастным. Он собирался дать народу повод для мудрого и справедливого решения.

На суде ни судьи, ни свидетели не внесли ничего нового в прежние обвинения. Главным стал пункт о совращении юношества. Речь шла о том, что Сократ будто бы прививает молодым людям вкус ко всяким вздорным пустякам, отвлекает их от участия в государственных делах, расшатывает устои семьи. Ложные науки, утверждали обвинители, могут воспитать у юношества неуважение к признанной мудрости, законам государства, порядку и традициям. И ни слова не говорилось о том, что афинский мудрец всего лишь учил молодых людей мыслить самостоятельно.

Афинский закон требовал, чтобы обвиняемый сам выступил в свою защиту. Полагая, что в своей жизни он не совершил ни одного несправедливого поступка, Сократ решил говорить без подготовленной речи. Эта импровизация вошла в легенду и стала значимой не только для Сократа, но и для всей истории мудрости. Его речь — это беседа с судьями, обращение к народу. Философ говорил не о своей жизни, о которой мало заботился, но о людях, обязанных поступать по справедливости: «Если вы меня приговорите к

смерти, то нанесете вред не мне, а себе. Не себя я защищаю в эту минуту, я защищаю вас».

Сократ отказался просить судей о снисхождении. Оправдательный приговор, вырванный жалостью, казался ему недостойным. Философ гордо заявил о своей великой миссии: «Я тот, кого бог дал вам, чтобы вы сделали лучше. Если вы меня казните, то во второй раз вам такого благодеяния не окажут».

Присяжные прервали его слова возмущенными криками, и суд приступил к голосованию. Результат голосования — «Сократ виновен».

Впрочем, у него еще был шанс спасти свою жизнь. Закон допускал возможность смягчения наказания путем уплаты штрафа или согласия на выезд из страны. Сократ отказался и от этих возможностей, ибо, воспользовавшись ими, он, так или иначе, соглашался с приговором. Мудрец обратился к народу с предостережением: нельзя избавиться от истины посредством убийства, нельзя заставить умолкнуть голоса тех, кто служит этой истине. Затем Сократ заявил, что смерть не может быть злом ни для судей, ни для осужденного. Одни остаются жить, другие покидают живущих. И чья участь лучше, не знает никто, кроме бога. Священное имя бога оказалось последним словом,

произнесенным человеком, которого приговорили к смерти за пренебрежение к богам.

Свое последнее слово Сократ произнес и перед учениками, которые готовили ему побег. К попытке спасения были причастны и богатые поклонники Сократа, и подкупленная тюремная стража. Предприятие казалось легко осуществимым, оставалось лишь получить согласие осужденного.

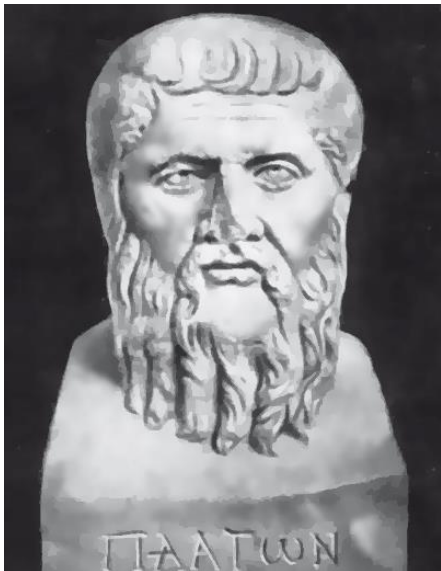
Но Сократ не откликнулся на искренние уговоры друзей. Более того, он произнес длинный монолог, тема которого — гражданский долг. Может ли несправедливо осужденный гражданин уклониться от постановления закона, имеет ли он право в свою очередь поступить несправедливо, воздать злом за зло, дать пример беспорядка? Конечно, нет. Зло всегда остается злом, и его необходимо избегать.

Можно по-разному назвать поступок Сократа — подвигом, безумием, гордыней, показательным смирением. В одном нельзя отказать великому афинскому мудрецу — в последовательности. Он, всю жизнь проповедовавший веру в истинные ценности бытия и божественность души, учивший не бояться смерти, — мог ли дрогнуть перед последним испытанием? Сократ так и ушел из жизни в полном соответствии со своим же высказыванием: «Лучше мужественно умереть, чем

жить в позоре. Мудрость не что иное, как умение быть выше самого себя».

Платон **(427 г. — 347 г. до н. э.)**

Древнегреческий философ... Основные сочинения: трактат «Апология Сократа»; трактат «Государство»; автор 30 диалогов, среди которых «Парменид»; «Теэтет»; «Законы», «Политик» и др.

Древнегреческого мыслителя Платона по праву называют родоначальником европейской философии. Он стал первым, кто возвел философию в ранг «царицы всех наук», и вот уже более двадцати трех веков сочинения великого афинского мудреца комментируют лучшие умы Запада и Востока, на его идеях строится множество нравственных, социальных, культурных и политических теорий, его авторитет непререкаем для философа любого толка — от закоренелых марксистов до субъективных идеалистов. Это точно выразил Цицерон в «Тускуланских беседах»: «Если бы Платон и никакого не приводил довода — я так высоко ценю его, что он убедил бы меня одним своим авторитетом».

Платон родился в семье афинянина Аристонa в 427 (428) г. до н. э., в самый разгар Пелопоннесской войны, когда демократы Афин вели соперничество с аристократами Спарты за гегемонию над эллинскими государствами.

По отцовской линии Платон принадлежал к знатному афинскому роду, а одним из его предков был последний царь Аттики Кодр. Не менее знаменита и родословная матери, Периктионы. Среди многих славных имен в этом роду был и законодатель Солон, один из семи древнегреческих мудрецов. При рождении мальчика назвали в честь

деда Аристоклом. Прозвище Платон он получил гораздо позже, уже в зрелом возрасте. Оно переводилось как «широкий» и имело несколько толкований. По одной версии, Платону дали такое имя за ширину плеч и красоту тела. Другие воспринимали это имя как синоним широких взглядов на мир, отличавших великого афинянина.

Существует еще и легенда о том, что матери Платона Периктионе еще до рождения сына будто бы явился ночью призрак бога Аполлона, возвестивший о грядущем появлении на свет божественного ребенка. А когда Платон родился и его отнесли в святилище, чтобы принести за него жертву богам, в храм влетел рой пчел, наполнивший рот младенца нектаром. Это действие восходило к Гомеру, сказавшему о мудром сладкоречивом старце Несторе: «Речь у него с языка стекала, как сладкий мед».

Мальчиком Платон поступил в обучение к известным тогда учителям. Словесную науку он постигал с Дионисием, музыку с Драконтом, гимнастикой занимался с Аристоклом из Аргоса. Как писал историк Олимпиадор, «таковы были три предмета обучения в Афинах — словесность, музыка и палестра, и не без цели, ибо знание словесности развивало разум, музыка смягчала душу, а занятия в палестре и гимнасии укрепляли тело против праздной похоти». Кроме того, учился

Платон у живописцев и трагиков, поскольку последние считались наставниками всей Эллады. В молодости и сам Платон не был чужд музам, сочиня дифирамбы Дионису, увлекаясь комедиями Аристофана и Софрона, и сочиня на них эпиграммы.

В 408 г. до н. э. двадцатилетний Платон в Афинах, где собирался участвовать в соревновании как автор трагедии, случайно перед театром Дионисия услышал Сократа, который вел беседу с афинянами. Эта встреча перевернула всю его жизнь. Изящные искусства отошли на второй план (Платон даже сжег все свои поэтические сочинения), а на смену пришла философия. Платон стал одним из самых преданных учеников великого мудреца и до 399 г., то есть до казни Сократа, был в числе его постоянных собеседников.

Вместе с учителем Платон бродил по афинским улицам, постигая искусство «майовтики» — науки нахождения истины и следования ей. Сократ сразу принял Платона, ему даже перед их знакомством приснился сон, будто на коленях у него сидит лебедь, который со звонким криком взлетает ввысь, предвещая будущую славу ученика.

Сократ стал для Платона не просто учителем, но «даром небес», самой судьбой. Восемь лет ученичества обернулись для Платона дорогой длиною в жизнь, определив все его творчество. Оно

буквально пронизано сократовским стилем поисков истины, его пониманием смысла жизни, манерой философствования, постоянной ориентацией на идеальный образ человека, который воплощал саму справедливость.

После смерти Сократа Платон переехал в Мегару к Евклиду, у которого собирались бывшие ученики афинского мудреца. Затем он отправился в длительное путешествие по странам и континентам, посетив сначала Сицилию и Сиракузы, побывал в Северной Африке, в Кирене, откуда был родом математик Феодор, дававший когда-то уроки математики Сократу. Платон посетил также Египет, где беседовал со жрецами, у финикийян учился искусству магии, в Иудее познакомился с религиозным учением древних евреев, а в Вавилоне изучал астрономию. Это путешествие, полное приключений и знаменательных встреч, продлилось целых десять лет, до 389 г. до н. э.

В странствиях Платон испытал и радость познания, и тяготы лишений. Однажды он даже был продан в рабство, и жизнь его висела на волоске. Лишь случайная встреча с одним из жителей Эгины, который выкупил невольника, избавила философа от дальнейших злоключений.

Возвратившись в Афины, Платон приобрел на северо-западной окраине города дом с садом, где и основал свою знаменитую школу. Вся местность,

где когда-то находилось святилище богини Афины, была под покровительством древнего героя Академа, которому, по преданию, эта земля была подарена легендарным царем Тесеем. Так в 385 г. до н. э. возникла платоновская Академия, просуществовавшая до окончания веков античности. Здесь, по замыслу Платона, должны были воспитываться истинные мудрецы, предназначение которых — управление государством. Молодые дарования овладевали дотоле неведомыми науками — диалектикой, аналитикой, методологией, философией, индуктивным и дедуктивным способами познания.

С возникновением платоновской школы в глубинах греческой цивилизации произошел настоящий переворот. С одной стороны, Платону дорог мир чувственный, созерцательный, с другой — он более чем равнодушен к области идеального, той единственной реальности, которую душа может познать только умозрительно.

Согласно учению Платона, душа, обреченная на блуждание во тьме, то есть в оболочке телесного, в сфере чувственных иллюзий, в определенный момент вырывается из темницы и устремляется в совершенно иные измерения и пространства. Как же описывает Платон странствия души до ее заключения в темницу тела? В трактате «Федр» душа представлена в образах двух крылатых

лошадей, запряженных в одну упряжку. Одна, белая, стремящаяся к славе, величию, добру, символизирует наши благородные устремления, жажду красоты и совершенства.

Другая лошадь темная, уродливая: у нее короткая шея, налитые кровью глаза, спутанная грива. Она склонна к буйству и с трудом повинуетя узде. Это наши изменные инстинкты, порождающие зло и несправедливость.

Есть у этой символической пары и возница, который олицетворяет лучшее в человеке — разум, управляющий двумя крылатыми существами. Следуя за божественными устремлениями, мы можем вознестись к небесным сферам, Абсолюту, где царствуют вечные идеи, красота и справедливость.

Большинство человеческих душ лишь на короткий миг способно заметить подлинную мудрость. Под тяжестью земных материальных сил они постоянно теряют крылья и падают вниз. Но если вспомнить о том, где, в каких высотах находилась ранее душа, то можно снова подняться на вершину собственного величия.

Платон представляет нам земную жизнь как место изгнания, переходное состояние, а смерть как дверь в сферы искупления и возмездия. Вместе с орфиками и пифагорейцами он провозглашает бессмертие души.

Бессмертие души было наиболее вдохновенной темой его рассуждений о мистицизме и важнейшим новаторским принципом платоновской веры по отношению к предшествующей эллинской традиции. Из этой темы вырастает главная ветвь платоновского творчества — учение об идеях. В несколько упрощенном виде оно выглядит так: во всем, что нас окружает, можно найти известное сходство. Идеи такого сходства присутствуют не вне, а внутри человека, что помогает ему образовать суждения. Как, смотря на дерево, мы вспоминаем о других деревьях, так, видя два предмета, мы вспоминаем об идее сходства. Она возникает в нас, как воспоминания, не связанные с чувственным опытом.

На таких идеях покоится все познание, из них состоит и такая наука, как математика. Плохим геометром оказался бы тот, кто вносил бы в математические отношения чувственные восприятия, то есть только то, что можно увидеть или пощупать руками. Следовательно, мы обладаем идеями, исходящими не от изменчивой природы, а от духа. Они несут в себе печать вечной истины.

С особой яркостью отразились мистические воззрения Платона в его трактате «Тимей» — важнейшем сочинении для понимания платоновской космологии. В нем изображена драма

возникновения мира. Знакомясь с ней, человек приходит к первоначальной силе, благодаря которой возникает бытие: «Трудно найти создателя и отца этой Вселенной. Но и найдя его, невозможно выразиться на языке, понятном для всех».

Платон знал, что подразумевается под этой невозможностью. Он имел в виду идею Бога. Творец не присутствует в чувственно постигаемом. Благодаря чувствам мы можем видеть одну природу. Только тот может приблизиться к Богу, кто пробудит в себе божественное. Познание и есть воскресение, освобождение Бога.

Приобщившись некогда к мудрости великих народов, Платон вырос в глазах современников и как наставник молодежи, и как личность. Он отказался от сократовской иронии и обычая бродить по улицам и базарам, затевая разговоры с первым встречным, а с другой стороны, он не принял и важной надменности пифагорейцев с их строгими правилами не допускать к себе посторонних.

Общительность и доброжелательность сократовского ученика были так притягательны, что в его Академию приходили не только мужчины, но и женщины, переодевшиеся в мужское платье. С тех давних пор академические занятия превратились в наилучший способ овладения как науками, так и искусством.

Занятия Платона в Академии дважды прерывались его поездками по Сицилии. Стремясь привнести мудрое начало в политику, 60-летний философ не раз предпринимал попытки реформировать государственную власть с помощью философии. Так было, например, в Сиракузах, где правили тираны: сначала Дионисий-старший, затем Дионисий-младший. Но из этих попыток ничего не получилось. Платон убедился, что власть, особенно тираническая, всегда останется глухой не только к философии, но и к голосу разума. Печальный опыт не прошел даром для Платона. Устав от политических интриг, он, по словам философа Диогена Лаэртского, «более делами государственными не занимался, хотя из сочинений его видно, что он был государственным человеком».

Остаток жизни Платон посвятил философским и научным занятиям в Академии и работе над своими знаменитыми «Диалогами». Умер Платон в 347 г. до н. э. в восьмидесятилетнем возрасте, в день своего рождения. Его похоронили в саду Академии.

Платон совершил грандиозный переворот в философии. Он подошел к бытию так, как никто раньше не подходил, попытавшись увидеть его внешние и внутренние причины. В теории философии такой метод получил название

диалектического. Если иметь в виду, что до этого в мудрости господствовал вначале физический метод познания (до Сократа), а затем эпический (Сократ), то станет понятно, какое значение имела диалектика для последующего развития философской мысли. С платоновского истолкования бытия как идеи начинается метафизика. На ней впоследствии стала строиться вся западная философия. Идеализм из философского понятия превратился в главенствующее мировое учение, по которому все бытие находится в идее. Метафизика, идеализм, платонизм — понятия, по сути, равнозначные.

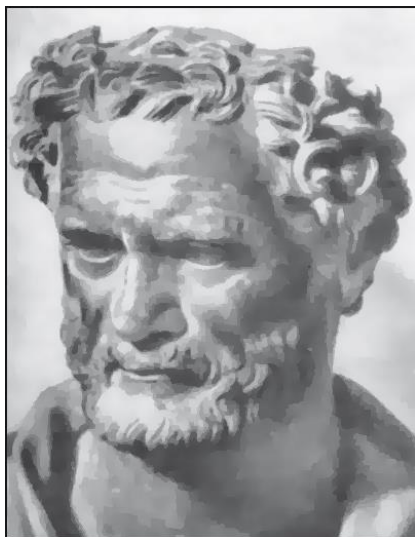
Значение Платона и его влияние на мировую философию оказалось настолько огромным, что отнюдь не преувеличенно звучат слова английского философа и математика XX в. Альфреда Норта Уайтхеда: «Самая надежная характеристика европейской философии состоит в том, что она представляет собой лишь ряд примечаний к Платону».

Демокрит из Абдер **(ок. 460 г. — ок. 370 г. до н. э.)**

*Древнегреческий
ученый-энциклопедист.*

*философ-атомист,
Основные сочинения:*

Трактаты «О природе», «Малый мирострой», «Об идеях», «Большой мирострой», «О цели» и др.

Для своего времени Демокрит не являлся гением, одиноко возвышающимся над другими философами. И все же учение этого античного мыслителя — и вершина целого периода развития философии, и начало нового восхождения, которое затем продолжили Эпикур, Лукреций и многие другие философы.

Демокрит родился ок. 460 г. до н. э. в Абдерах, расположенных на побережье Фракии,

между устьем реки Нест и озером Бистонист. История не оставила нам точных имен его родителей, известно лишь, что они принадлежали к числу знатных семейств Абдер. В 480 г. до н. э. персидский царь Ксеркс, возвращаясь из похода на Грецию, на какое-то время останавливался в Абдерах, где его радушно встречали богатые и знатные жители, в числе которых был и отец Демокрита. В награду за гостеприимство Ксеркс оставил в городе своих жрецов-магов и вавилонских халдеев, чтобы те стали наставниками абдерских юношей. Эти жрецы и стали первыми учителями юного Демокрита. Таким образом, он и его товарищ, будущий философ Протагор, начали свое образование с постижения древневосточной мудрости, которая была одним из источников, питавших греческую философию. Во всяком случае, именно наставления персидских воспитателей побудили впоследствии Демокрита посетить страны Востока и пополнить свои знания у тамошних мудрецов.

Решающее влияние на формирование собственных взглядов Демокрита оказал прибывший в Абдеры из Милета философ Левкипп, который первый ознакомил своего ученика с атомическим учением. Приезд Левкиппа не был случайным. Дело в том, что в Милете, бывшем тогда знаменитым центром ионийской философии,

вспыхнуло восстание против персов, которое вскоре было подавлено. В числе беженцев оказалась и семья Левкиппа. Рассказы милетского философа о приверженности к свободе и демократическому устройству, по-видимому, произвели сильное впечатление на молодого Демокрита. При всем уважении к мудрости Востока он с юношеских лет испытывал отвращение к восточному деспотизму и писал, что «бедность в демократическом государстве надо предпочесть счастливой жизни в монархии, настолько свобода лучше рабства».

Освободившись от персидской зависимости, Абдеры вошли в Афинский морской союз и вскоре превратились в богатый и цветущий город. В честь Абдер знаменитый поэт Пиндар даже сложил хвалебную песнь. И все же с конца 70-х по 20-е годы V в., особенно во время правления Перикла, наибольшей славой в Греции пользовались Афины. Украшенный мраморными статуями и колоннами Фидия и Поликлета, этот город был крупнейшим культурным и торговым центром Средиземноморья. Естественно, Афины привлекали множество людей — ученых, путешественников, художников, писателей и философов. Как писал Платон, «мудрейшие из эллинов стекались из целой Эллады в эту обитель мудрости». Прибыли сюда и Демокрит с Протагором. Рассказы Демокрита об

этом путешествии свидетельствуют об огромном желании учиться у других, «используя каждую минуту для того, чтобы научиться мудрости и укрепиться в ней». При этом он обнаружил редкую для афинян скромность и отсутствие всякого честолюбия. Прославленный римский оратор Цицерон писал: «Он сказал: я прибыл в Афины, и никто меня здесь не узнал. Вот твердый и уверенный в себе человек, который гордится тем, что чужд стремлению к славе».

У Диогена Лаэртского есть свидетельство того, что «Демокрит знал Сократа, но Сократ не знал его». Но даже если Сократ не знал Демокрита лично, то наверняка был знаком с его идеями или сочинениями, которые к тому времени хорошо были известны в Афинах. В частности, учение Демокрита о человеческом обществе и возникновении государства (изложенное в его произведении «Малый мирострой») Сократ в платоновском «Государстве» передает в своей беседе с Адимантом. Много общего можно найти и в этике Демокрита и Сократа.

Зато достоверно известно, что с Демокритом был знаком уже знаменитый к тому времени философ Анаксагор. И хотя их отношения были скорее прохладными, чем дружескими, в ряде вопросов мнения этих двух великих мыслителей античности совпадали. К примеру, общими были те

взгляды, за которые Анаксагор был осужден афинским судом как богохульник и едва избежал наказания. Потому, возможно, Демокрит и старался из осторожности не слишком открыто выступать в Афинах. Впрочем, практически все исследователи отмечают его страсть к уединению и одиночеству.

В Афинах Демокрит нашел настоящих приверженцев из числа молодежи. Среди них был младший софист Антифонт, Диоген из Аполлонии, Анаксарх, Метродор, учитель Эпикура Навсифан Теосский. Впрочем, эти молодые философы впоследствии развивали лишь отдельные стороны его учения, больше пользуясь славой имени своего учителя. Глубоким же исследователем Демокрита стал Аристотель, который хотя и полемизировал с ним, но все же вольно или невольно очень многое у него заимствовал. Истинными же продолжателями учения Демокрита стали более поздние атомисты Эпикур, эпикурейцы и Лукреций Кар.

Атомистическое учение Левкиппа Демокрит не только развил, но и дополнил собственными идеями. Согласно Демокриту, есть два первоначала Вселенной — атомы и пустота. Атомы представляют собой неделимые частицы материи. Они неизменны, вечны и находятся в постоянном движении, отличаясь друг от друга лишь формой, величиной, положением и порядком, не имея свойств звука, цвета, вкуса и т. д. Из соединения

атомов образуются тела, распад атомов ведет и к распаду тел.

Бесконечное множество атомов вечно движется в бесконечной пустоте, перемещаясь в разных направлениях и образуя своего рода вихри атомов. Так возникает бесконечное множество «рождающихся и умирающих» атомов.

Атомизм Демокрита, таким образом, содержал представление об неуничтожимости и несотворимости материи. Как писал философ: «Ничто не возникает из несуществующего и ничто не разрушается в несуществующем». Новым в античном мышлении явилось Демокритово понимание бесконечности Вселенной: миры неисчислимы, но они отличаются размерами. У некоторых нет солнца и луны, а у других их больше, чем у нас. Одни миры пребывают в расцвете, другие только возникают, а иные приходят в упадок. Наш мир, по Демокриту, «пребывает в расцвете».

Философ развил и учение о строгой необходимости происходившего и происходящего. Все снова-таки определено движением атомов, а это означает, что в мире нет ничего случайного, «все возникает по необходимости: причина всякого возникновения — вихрь, и этот вихрь следует называть необходимостью». Не случайно Демокрит говорил ученикам, что «люди сами создали образ

случайности, чтобы скрыть собственную нерасторопность».

Представляет интерес и теория Демокрита о чувственном познании. Он считал, что существуют так называемые эйдолы (идолы), или образы. Они возникают между предметом и соответствующим органом чувств. Предмет выделяет в воздух свое подобие, а то, в свою очередь, попадает на сетчатку глаз. Этот оттиск и есть нашим представлением предмета. В то же время существует и другой способ познания — с помощью рассуждений. Эта форма познания по сравнению с чувственной более подлинная.

После смерти отца и раздела имущества Демокрит решил предпринять путешествие на Восток. Он предпочел взять свою долю не имуществом, а деньгами, что в дальнейшем привело к драматическим последствиям. Получив сто талантов (огромные по тем временам деньги), Демокрит отправился к жрецам в Египет, затем посетил Персию, Индию и Эфиопию. Это путешествие длилось восемь лет. Потратив в странствиях все деньги, Демокрит вернулся на родину практически нищим, что дало повод абдерским судьям обвинить путешественника в растрате отцовского наследства и привлечь его к суду — по древнегреческим законам растрата имущества считалась тяжким преступлением.

Суд над Демокритом состоялся в конце 440-х годов. После обличительных слов о том, что неблагодарный сын вернулся из странствий без средств к существованию и теперь живет за счет своего достойного брата Дамаса, судья потребовал наказания в виде изгнания растратчика из полиса.

С оправдательной речью выступил сам Демокрит. Он сказал, что не попусту потратил отцовские деньги, но познавал мудрость других народов, знакомился с их жизнью, нравами и обычаями, чтобы поделиться затем этими знаниями с согражданами. В качестве итога долгих странствий и размышлений Демокрит представил на суде свое сочинение о строении вещей и вселенной — «Большой мирострой», из которого прямо на суде зачитывал большие фрагменты.

Когда присутствующие в зале суда услышали то, что по-настоящему волновало их соотечественника, то осознали наконец, что перед ними истинный мудрец. С него не только были сняты все обвинения, но и по достоинству был оценен «Большой мирострой» — автора наградили суммой, в несколько раз превышавшей ту, которая была потрачена за время путешествия. Более того, в честь Демокрита жители Абдер воздвигли статую, наделили его почетными званиями «мудрец» и «патриот» и избрали архонтом (высшая должность греческого полиса).

В дальнейшем заботу о знаменитом земляке горожане проявляли не раз. И когда им показалось, что Демокрит от великой мудрости может потерять рассудок, они тут же обратились с письмом к Гиппократу с просьбой приехать в Абдеры и осмотреть больного. Знаменитый врач не замедлил приехать к Демокриту, но в результате длительной беседы понял, что перед ним не теряющий разум человек, а ученый, полностью поглощенный своими мыслями. Смutilo его, однако, то, что время от времени Демокрит вдруг раздражался громким смехом без видимой на то причины. В ответ на замечание Гиппократа философ сказал, что у него имеются причины для неуместного, на первый взгляд, смеха. Эта причина — сам человек, полный безрассудства, не совершающий правых дел, глупый во всех своих замыслах, человек, влекомый ненасытными желаниями. «У меня вызывают смех эти неразумные и безрассудные люди, которые думают, что все их желания, вызванные жадностью или завистью, могут быть достижимы и не принесут вреда».

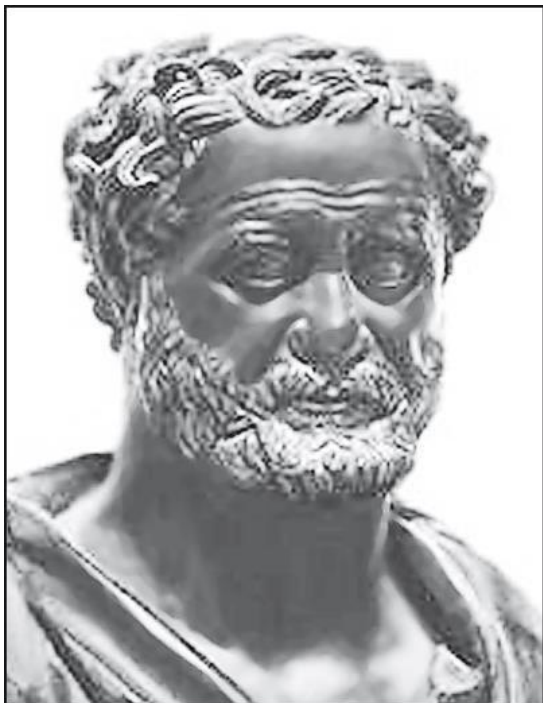
После этих слов Гиппократ понял, что предположение о безумии философа высказывали простые обыватели, которым недоступно понимание высших начал в человеке.

Согласно ряду источников, Демокрит прожил долгую жизнь, скончавшись в преклонном возрасте.

После себя он оставил огромное творческое наследие. Помимо «Большого миростроя» и «Малого миростроя», это более 50 трактатов и 9 книг под общим названием «Причины». Вплоть до 60-х годов XIX в. фрагменты сочинений Демокрита ни разу не были собраны воедино. И только в 1860 г. этот пробел был восполнен в книге немецкого исследователя Г. Дильса «Греческие философы». Поиски сочинений Демокрита не прекратились и по сей день. Это свидетельствует о том, что мысли древних мыслителей не ушли в безмолвие веков: они и сейчас волнуют историков и философов, как интересуют людей те жизненные вопросы, которым посвятил жизнь мудрец из Абдер.

Гераклит Эфесский **(ок. 540 г. — ок. 483 г. до н. э.)**

Древнегреческий философ. Основное сочинение: «О природе», из которого сохранилось только 130 отрывков.

Когда сегодня философы говорят о подвижности бытия, его вечном становлении, надо иметь в виду, что этим открытием они обязаны прежде всего Гераклиту из Эфеса, фигуре колоссальной для всей древней натурфилософии и античного мира в целом. Он создал свой мир, открыл свой космос, который стал достоянием всех последующих философских школ.

Следует, правда, оговориться, что понимать все как текучесть и постоянное изменение без некоей высшей и неизменной субстанции означало бы упрощать философию эфесского мудреца. Река, в которую мы не можем войти дважды, все-таки остается рекой. Она олицетворяет высшее начало, на фоне которого мы изменяемся в каждый момент нашей жизни. Гераклит всячески подчеркивал *постоянство* в изменении, тождество в становлении, *единство* в раздвоении, *вечность* в преходящем.

Этот принцип присущ всему, в том числе и человеческому существованию, он — «отец и царь всего». Все совершается по пути вверх — вниз: холодное становится горячим, вспыхнувшее потухшим, жизнь превращается в смерть и наоборот. Понятия «вверх — вниз», несмотря на свою противоположность, по сути равновелики. В их структуре — тождественность, единство, царящее в виде закона.

Так глубоко о сущности бытия, его основе до Гераклита никто не говорил.

Гераклит родился ок. 540 г. до н. э. в г. Эфесе, входившем в то время в число двенадцати ионийских полисов. Его отец Блосон происходил из знатного рода наследственных басилевсов, имеющих право на царскую власть. Воспитываясь в состоятельной семье, Гераклит, безусловно, мог

получить достойное образование. К сожалению, неизвестно, как прошли годы его ученичества и кем были те наставники, которые заложили в юном эфесце основы философского мышления. Но известно другое: с молодых лет Гераклит отличался крайней неуживчивостью, он не находил общего языка со своими согражданами, всячески порицая их за недостойное поведение и пороки. Но особой остроты конфликт между горожанами и заносчивым Гераклитом достиг тогда, когда эфесцы не захотели видеть своим правителем Гермодора, друга Гераклита. Молодой философ был не на шутку рассержен изгнанием своего товарища, заявив: «Следовало бы всем взрослым эфесцам удавиться и оставить город подросткам, ибо они изгнали мужа, меж них наиболее полезного». После этого Гераклит не захотел жить вместе со своими согражданами и предпочел удалиться в храм Артемиды, где, находясь среди жрецов, все же оставался частным лицом. И даже когда эфесцы обратились к нему с просьбой составить для них хорошие законы, философ отказался, заметив, что город уже и так находится во власти дурного правления и никакие хорошие законы не помогут.

Все это указывает на то, что, вероятно, молодой Гераклит был прежде всего политическим деятелем и находился в самой гуще общественной жизни Эфеса. Такое отношение к публичной

политике было характерно для мыслителей греческого полиса, поэтому неудача на этом поприще и заставила Гераклита отказаться от участия в государственных делах. Можно себе представить удивление греков, которые считали, что потомок царского рода не может избрать путь бедности и отшельничества.

Следует отметить, что не только эфесцы хотели видеть в лице Гераклита достойного правителя. Всегда интересовавшиеся философией жители Афин тоже присылали послов с просьбой посетить их город. Но Гераклит и афинян не удостоил должным вниманием.

О великом эфесце сохранилось немало преданий, а то и просто забавных фактов. Но чтобы понять ход и глубину его рассуждений, стоит привести одну из поучительных историй. Толпа любопытствующих посетителей пришла к жилищу философа. Она ожидала застать мыслителя в исключительном состоянии, увидеть его в тот момент, когда он мыслит, погрузившись в глубокие раздумья. Посетители хотели ощутить и пережить эту волнующую сцену, чтобы затем передать ее другим ценителям мудрости.

Вместо этого гости нашли Гераклита возле печки, места обыденного и неприглядного. Но философ был занят у очага вовсе не выпечкой хлеба, он грелся, выдавая тем самым скудость своей

жизни. Посетители были разочарованы, вид продрогшего мудреца не вызвал у них ничего, кроме сожаления. Стоило ли ради этой картины приходить в знаменитое жилище? И тогда Гераклит, увидевший разочарование гостей, произнес многозначительную фразу: «Боги присутствуют и здесь тоже».

«Здесь тоже», то есть у печки, в простом и знакомом для всех месте боги присутствуют тоже. Как пояснял сам Гераклит, «обычное местопребывание человека открывает простор для присутствия бога».

Это высказывание эфесского мудреца имеет двойное значение. Оно относится и к человеку, знающему место истины или бога, а именно: здесь, сейчас и всегда. Оно же касается и сущности философии, о которой Гераклит говорил: «Речи скольких людей я ни слышал, ни один не достиг того, чтобы знать, что мудрость (философия) есть нечто, от всего отделенное». «Отделенное» означает отведенное философии место, которое образует пространство, принадлежащее только ей.

Главная книга Гераклита, дошедшая до наших дней, имеет заглавие «О природе». Простота названия обманчива. Многие места этого сочинения темны, загадочны, скрыты по смыслу, «чтобы, — как писал Диоген Лаэртский, — доступ к ней имели

лишь способные и чтобы обнародование не сделало ее открытой для прозрения».

Это дало повод Сократу так отозваться о книге Гераклита: «То, что я понял, прекрасно; чего не понял, — наверное, тоже. Только, право, для такой книги надо быть хорошим пловцом, чтобы не захлебнуться». А современник Гераклита философ Тимон отозвался еще язвительней: «Взвился тогда Гераклит, толпу осуждая в темном своем кукареканье».

Тем не менее книги эфесского мудреца уже при жизни получили такую славу, что его последователи стали называться гераклитовцами. Эта слава запечатлена в одной из многочисленных эпиграмм:

*Не торопись дочитать до конца
Гераклита-эфесца.*

*Книга его — это путь, трудный для пешей
стопы,*

Мрак беспросветный и тьма.

*Но если тебя посвященный вводит на эту
тропу —*

Солнца светлее она.

Книгу «О Природе», из которой сохранилось сто тридцать фрагментов, Диоген Лаэртский разделил на три, как он выразился, «суждения» —

обо всем; о государстве; о божестве. Эти три сюжета неизменно занимали всех античных философов. И в данном случае Гераклит не отошел от традиций. По его представлению, человек является частью природы; природа — это вечно живой огонь, никем не сотворенный и пребывающий в вечности. Все в мире совершается по судьбе и сглаживается взаимной противоположностью. Вселенная конечна и мир один. Он возникает из огня и вновь исходит в огонь попеременно, оборот за оборотом, в течение всей вечности. И совершается это по воле судьбы. Огонь исходит во влагу, уплотняется, становясь землей, — таков путь, идущий вниз. Но затем земля рассыпается, из нее рождается вода, а из воды все остальное. И это есть путь, идущий вверх.

Что касается человеческих отношений, то, по Гераклиту, высшая ценность — закон. Народ, по словам философа, должен сражаться за попираемый закон, как за стену города. А ценность истинного закона абсолютна. В том же духе позднее высказывались Сократ и Платон.

Особое место у Гераклита занимает тема критерия истины, определение которой является целью философии. Он считал, что человек вооружен двумя способами познания истины — чувственным восприятием и разумом. Первое — недостоверно, поскольку «глаза и уши являются

плохими свидетелями для людей, имеющих варварские души». Разум же, по мнению Гераклита, является истинным судьей познания, правда, не всякий разум, а лишь общий и божественный. «Общее и божественное» — это то, что явлено вообще, что следует познавать как всеобщее, преодолевая чувственное, личное, обособленное.

Следующее по важности понятие, вытекающее из предыдущего, — принцип универсального Логоса, открытый Гераклитом. Логос в понимании философа это слово, мысль, разум, закон. Отсюда его универсальность. Логосом пронизан весь космос (термин, тоже введенный в оборот Гераклитом). Логос одинаково присущ и высшим, и низшим мирам, проступая в духовном и материальном.

Уже после Гераклита понятие Логоса трактовали Платон и Аристотель, гностики и неоплатоники, Гегель и Виндельбанд. А христианская литература отождествила Логос с Христом, то есть с божественным Словом, лежащим в основании мироздания. Об этом ясно говорил евангелист Иоанн: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоан. 1.1).

Современники, особенно земляки-эфесцы, не всегда понимали Гераклита из-за скрытности натуры и загадочности его философии. Принять

философа действительно было непросто. Как уже говорилось выше, нетерпимость к людям, особенно к философам, его современникам, вечное недовольство окружающими, тяжелый характер, склонный к сварливости, не прибавляли ему симпатий. По-видимому, он и сам это чувствовал, потому и предпочел уединиться в горах, где вел жизнь простую, даже аскетическую, употребляя исключительно растительную пищу.

Философ Платон был в числе немногих, кто по достоинству оценил глубокую, хотя местами и затемненную, философию Гераклита. В одном из своих трактатов он несколько раз ссылается на главную идею старшего соотечественника, излагая ее в форме толкования: «Бытие и множественно, и едино. Оно держится и враждою, и дружбою, а расходящееся всегда сходится». Причем Платон имел в виду именно одновременное сосуществование двух тенденций — расхождения и схождения.

Гераклит был не просто мудрецом, но и подвижником познания высших материй бытия. Его оригинальный ум сопоставим разве что с невероятной гордостью, презрением ко всему суетному и ограниченному. Сказалось, видимо, происхождение: ведь Гераклит был не просто аристократического, но царского рода. Его общение с сильными мира сего мало чем отличалось от

отношений с простолюдинами и рабами. Красноречивое тому подтверждение — переписка Гераклита с могущественным царем Дарием. Персидский правитель направил философу письмо с таким предложением: «Тобою написана книга «О природе», трудная для уразумения и для толкования. Есть в ней места, разбирая которые слово за словом, видишь в них силу умозрения твоего о мире, о Вселенной и обо всем, что в них вершится, заключаясь в божественном движении; но еще больше мест, от суждения о которых приходится воздерживаться, потому что даже люди, искушенные в словесности, затрудняются верно толковать написанное тобой. Посему царь Дарий, сын Гистаспа, желает приобщиться к твоим беседам и эллинскому образованию. Поспешай же приехать, дабы лицезреть меня в моем царском дворце».

На что Гераклит отвечал Дарию: «Сколько ни есть людей на земле, истины и справедливости они чуждаются, а принадлежат в дурном неразумии своем к алчности и тщеславию. Я же все дурное выбросил из головы, пресыщения всяческого избегаю из-за смежной с ним зависти и по отвращению к спеси. Потому и не приеду я в персидскую землю, а буду довольствоваться немногим, что мне по душе».

Проживший уединенную, но свободную и независимую жизнь, начисто лишенный стремления

к внешнему благополучию, Гераклит до конца своих дней решал, по существу, одну и ту же задачу, выраженную им в редком по красоте изречении: «Единая мудрость — познавать мысль как то, что правит всем через все».

Диоген из Синопа (ок. 400 г. — 325 г. до н. э.)

Древнегреческий философ. Основные сочинения: «О любви», «Государство», «Эдип», трагедия «Фиеста».

Ни о каком другом мудреце античности не сложено столько легенд, преданий, а то и просто анекдотов, как о Диогене. Прочитай или услышь их сам «герой преданий», вполне возможно, что и не узнал бы в них самого себя. А все благодаря другому Диогену — Лаэртскому, историку философии, жившему гораздо позже, в III в. н. э. Это он поведал миру и о хождении своего знаменитого тезки среди бела дня с фонарем по улицам в поисках «человека»; и о бочке, в которой жил философ; и о его экстравагантном поведении, к которому, правда, сами афиняне относились весьма снисходительно. Да и не стыдился Диоген ни своего образа жизни, ни мыслей, ни крепких выражений в адрес «псевдофилософов», коих в Афинах всегда было немало. Он знал свою судьбу, свое положение в мире человеческом, а оттого и был равен самому себе, ни перед кем не притворяясь и гордо заявляя о своем космополитизме: «Я — гражданин мира». Свой жизненный путь Диоген определил сам, правда, нередко повторяя, что над ним исполнилось трагическое проклятие, ибо он не кто иной, как:

*Лишенный крова, города, отчизны,
Живущий со дня на день жалкий странник.*

И тут же добавлял, что судьбе всегда можно противопоставить мужество, закону — природу, а страстям — разум. С таким же мужеством нес Диоген нелегкую ношу уличного мудреца, остролова и прорицателя, ежедневно рискуя нарваться на насмешки недалеких горожан.

Диоген родился ок. 400 г. до н. э. в городе Синопе. Его отец Гикесий заведовал казенным меняльным заведением, которое в то время занималось и чеканкой монет. Бытует легенда, будто он подделывал монеты и сбывал их местным купцам. О проступке узнали местные чиновники, за что Гикесий был изгнан из Синопа. По другой, менее правдоподобной версии, ему в этом неприглядном деле будто бы помогал и Диоген, который затем вместе с отцом скитался за пределами родины. Возможно, отсюда упомянутая строчка «лишенный крова, города, отчизны...» К этой весьма туманной истории Диоген Лаэртский добавил любопытную деталь. Оказывается, Гикесий, прежде чем заняться сомнительным ремеслом, отправился в Дельфы, в храм Аполлона, чтобы спросить оракула, следует ли ему это делать. Оракул посоветовал ему «произвести переоценку ценностей». Отец философа, не поняв истинного смысла изречения, стал подделывать монеты, в чем и был уличен.

Так или иначе, странствующий Диоген оказался в конце концов в Афинах, куда стекалось множество народа, чтобы приобщиться к мудрости. Достоверно известно, что Диоген был учеником Антисфена, основателя школы киников, и с тех пор тоже стал именоваться последователем кинической философии. Правда, Антисфен не сразу принял Диогена, поскольку взял за правило не иметь учеников. Но синопский скиталец оказался на редкость упорным и настойчивым юношей. И когда разгневанный Антисфен замахнулся на кандидата в ученики палкой, тот сам подставил голову, сказав: «Бей, но ты не найдешь такой крепкой палки, чтобы прогнать меня».

Киники принадлежали к сократической школе философии. Их основное теоретическое положение заключалось в отрицании реальности всеобщего и в признании только единичных вещей. «Понятие» в этом случае является лишь словом, объясняющим то, чем вещь бывает, или то, что она есть. Поэтому применение к отдельным предметам общих понятий невозможно. Киники считали, что учение Платона об умопостигаемых «видах» несостоятельно, поскольку восприятию доступен единичный, чувственно воспринимаемый экземпляр вида, но никак не сам «вид» или «идея». Согласно их этике, мудрость состоит не в недоступном для человека теоретическом знании,

но только в познании блага. Истинное благо может быть достоянием каждого, а целью жизни является не богатство, не здоровье, и даже не сама жизнь, а лишь спокойствие, основанное на отрешении от всего, что делает человека зависимым, — от имущества, от наслаждений и условных понятий. Отсюда мораль аскетизма, выражающаяся в крайней простоте, презрении к материальным потребностям, кроме основных, без которых жизнь невозможна; насмешка над религиозными предрассудками; проповедь естественности и личной свободы.

Диоген не только принял взгляды Антисфена, но дополнил и развил их собственными идеями, оставшись благодарным учителю до конца жизни, что явствует из слов: «Я перестал быть рабом с тех пор, как меня освободил Антисфен».

В данном случае Диоген выразился в переносном смысле, имея в виду «освобождение от рабства» как от незнания. Но другой древнегреческий историк Менипп в книге «Продажа Диогена» рассказывает о том, что Диоген действительно некогда попал в рабство, правда, неясно когда, скорее всего после того, как он покинул Синоп. Во время путешествия корабль, на котором плыл Диоген, захватили пираты, после чего на Крите его как раба выставили на продажу. На вопрос глашатая: «Что ты умеешь делать?» —

Диоген с достоинством ответил: «Властвовать людьми». Этот ответ и решил судьбу философа. Его купил знатный человек по имени Ксениад. Он отвез Диогена в Коринф, приставил воспитателем к своим сыновьям и доверил вести хозяйство. Диоген настолько мудро распоряжался хозяйским имуществом, что Ксениад повсюду рассказывал: «В моем доме поселился добрый дух». Воспитывая детей Ксениада, Диоген обучал их ездить верхом, стрелять из лука, владеть пращей, метать дротики. Дети знали наизусть многие отрывки из творений поэтов и историков. А когда Диогену случалось выслушивать попреки за свое рабство, он обычно отвечал: «Несчастливые, ведь благодаря изгнанию я стал философом». По-видимому, он одновременно был учеником Антисфена и служил в доме Ксениада.

Все это как-то не очень вяжется с житием Диогена в бочке и его положением бездомного нищего. Скорее всего, и бочка, и попрошайничество, и холостяцкое положение — лишь внешние атрибуты жизни и философствования, за которыми стояли основополагающие принципы кинической школы. Исповедовал их Диоген неуклонно и последовательно, приводя в пример обыкновенную мышь, которая не нуждается в подстилке, не пугается темноты и не ищет мнимых наслаждений.

Мудрец пользовался плащом не только как верхней одеждой, но и как подстилкой для ночлега, ходил с сумой и считал пригодным для сна, беседы и еды любое подходящее место. В частности, охотно отдыхал в той самой пресловутой бочке, которую афиняне соорудили из пифоса — круглого глиняного сосуда, обычно употреблявшегося для хранения зерна и вина.

Жители Афин любили Диогена и даже гордились им как некоей общенародной достопримечательностью. Прислушивались они и к поучениям мудреца, достойным уважения и внимания. А говорил Диоген о самых простых и очевидных вещах: что люди соревнуются, кто кого толкнет в канаву, но никто не соревнуется в искусстве быть прекрасным и добрым. Он удивлялся, что грамматика изучают бедствия Одиссея и не ведают своих собственных; музыканты настраивают лиру и не могут сладить с собственным нравом; математики следят за солнцем и луной, а не видят того, что у них под ногами; скряги ругают деньги, а сами их любят больше всего. Кроме того, Диоген осуждал тех, кто восхваляет честных бессребреников, а сам втихомолку завидует богачам. Его раздражало, что люди при жертвоприношении молят богов о здоровье, а на пиру объедаются. Он хвалил тех, кто хотел жениться и не женился; кто хотел

путешествовать и не поехал; кто брался за воспитание детей и отказывался от этого; кто готовился занять высокую должность, но так и не решился.

Словом, это были назидания, имеющие прямое отношение к тому, что называют «наукой благоразумной жизни и достойного поведения». Согласно ее канонам, само презрение к наслаждениям благодаря привычке становится высшим наслаждением. И как люди, привыкшие к наслаждениям, страдают от их отсутствия, так и люди, приучившие себя к воздержанности, удовлетворяются своим презрением к наслаждениям. Понятно, что при таких взглядах совершенно естественным было отношение Диогена к знатному происхождению, славе и богатству, которые он считал не более чем прикрасами порока, достойными осмеяния. Лучшее тому доказательство — короткий обмен репликами с Платоном, который, увидев, как Диоген моет овощи, сказал ему тихо: «Если бы ты служил Дионисию, не пришлось бы тебе мыть овощи». На что Диоген тоже тихо ответил: «А если бы ты умел мыть себе овощи, не пришлось бы тебе служить Дионисию».

Диоген обладал поразительной силой убеждения, покоря слушателей убедительностью доводов и убеждений. Диоген Лаэртский

свидетельствует, что однажды житель Эгины, некий Онесикрипт, послал в Афины младшего из двоих сыновей. Тот, услышав проповеди Диогена, стал его учеником. Отец послал за ним старшего сына, но и тот присоединился к слушателям мудреца. Наконец приехал сам Онесикрипт и тоже остался в Афинах, чтобы приобщиться к философии.

Острый на язык, независимый во взглядах, нетерпимый к спеси и чванству, Диоген едко высмеивал даже именитых философов. Доставалось от него и Платону, и Евклиду, и Дионисию, и Аристиппу. Сам Александр Македонский говорил: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном».

Умер Диоген Синопский в весьма преклонном возрасте — почти восьмидесяти лет. Впоследствии сограждане почтили память мудреца его медными изображениями с надписью:

*Пусть состарится медь под властью
времени — все же*

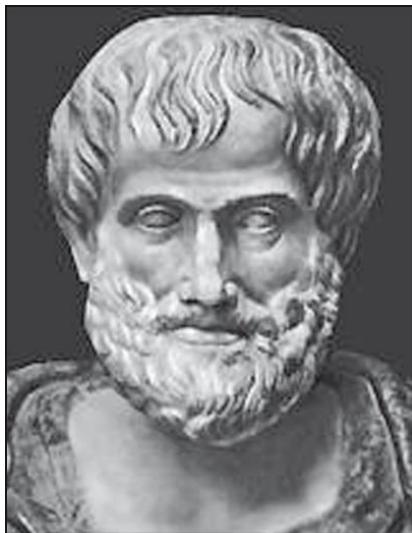
Переживет века слава твоя, Диоген:

*Ты нас учил, как жить, довольствуясь
тем, что имеешь.*

Ты указал нам путь, легче которого нет.

Аристотель **(384 г. — 322 г. до н. э.)**

Древнегреческий философ, ученый-энциклопедист, основоположник науки логики и ряда отраслей специального знания. Основные сочинения: логический свод «Органон» («Категории», «Об истолковании», «Аналитики» 1-я и 2-я, «Топика»); «Метафизика»; «Физика»; «О возникновении животных»; «О душе»; «Никомахова этика»; «Политика»; «Риторика»; «Поэтика».

В анналы мировой философии Аристотель вошел как первый ученый-энциклопедист, поражающий обширностью знаний и размахом исследований. Древние источники приписывают ему более ста книг, из которых до наших времен дошла лишь половина. Аристотель оставил след во всех областях науки, известных древним грекам, — астрономии, географии, геологии, физике, анатомии, зоологии, политике, экономике, теологии, психологии и риторике. Он писал также об образовании и поэзии, обычаях варваров и конституции государств. Но несмотря на такое обилие научных интересов, философы всегда выделяют главный вклад Аристотеля в историю мировой мысли — труды по логике, основателем которой он считался во все века.

Достоверных данных о жизни Аристотеля сохранилось не так много, но и этого вполне достаточно, чтобы иметь представление о характере, привычках, нравственных и политических убеждениях величайшего философа античности. Родился Аристотель в г. Стагире, расположенном недалеко от Афонской горы, в 384 г. до н. э. Его отец Никомах был придворным лекарем при македонском царе Аминте. Для Никомахова рода профессия врача была традиционной. Знаменитый врач древности Гален

даже упоминает о некоем медицинском открытии, которое якобы сделал отец Аристотеля в области медицины. Познания Никомаха, который стал для сына первым наставником и учителем в естествознании и медицине, сыграли немаловажную роль в жизни Аристотеля. А она складывалась непросто. В пятнадцать лет Аристотель остался сиротой, и опеку над ним взял на себя родственник отца Проксен, также живший в Стагире. Проксен оказался прекрасным опекуном, ни в чем своему воспитаннику не отказывал и всячески поддерживал его желание познавать науки. Приличное наследство, доставшееся Аристотелю от отца, позволяло ему не знать нужды. Это касалось в первую очередь книг, которые по тем временам были очень дороги и мало кому доступны. Таким образом, еще с юности Аристотель привык много читать, что для его времени было явлением довольно редким. Многие исследователи жизни Аристотеля утверждают, что тот наследовал от отца еще и его сочинения, в которых были скрупулезно описаны наблюдения над органической и неорганической природой. Поэтому, прежде чем заняться отвлеченными науками, Аристотель постарался обобщить опыт, накопленный Никомахом.

Следует отметить, что отношения между опекуном и воспитанником были настолько

близкими и доверительными, что позже, после смерти Проксена, Аристотель усыновит его сына Никанора и выдаст за того свою дочь Пифиаду.

Большое влияние на юного Аристотеля оказал македонский двор, где он провел раннее детство. Там он познакомился и с Филиппом Македонским, отцом будущего великого полководца Александра Македонского. С Филиппом Аристотеля связывали не только общие интеллектуальные интересы, но и широко распространенное тогда враждебное отношение к Персии.

По образованию и языку Аристотель был греком, но в то же время оставался подданным македонского государя. Это обстоятельство имело в дальнейшем немаловажное значение для философской и научной деятельности и даже для личной жизни Аристотеля. И в Македонии, и в Стагире Аристотель часто слышал рассказы об афинских мудрецах Сократе и Платоне: греки со свойственной им живостью передавали подробности жизни и деятельности знаменитых соотечественников. Аристотель страстно мечтал стать учеником Платона, для чего в 367 г. до н. э. отправился в Афины. Правда, Платона он не застал: тот находился в то время на Сицилии. И поскольку в Афинах было немало людей, хорошо знакомых с греческой философией вообще, и с платоновским учением в частности, Аристотель, не теряя времени,

принялся за изучение основ греческой философии. К приезду Платона он уже был хорошо знаком с основными положениями его учения. Кто знает, как могла развиться мысль Аристотеля, если бы он не познакомился с учением от самого Платона и подчинился огромному обаянию его личности. Платон был старше Аристотеля на сорок пять лет. Он привык иметь дело с учениками, которые безоговорочно принимали его идеи. Пытливый и в высшей степени живой ум Аристотеля приводил Платона в восторг, но ему очень не нравилось, что ум ученика направлен на изучение действительности, а не подчинен отвлеченным наукам.

В целом же в отношениях Платона и Аристотеля было много драматичного. Платон называл Аристотеля душой школы, признавая его самым талантливым своим учеником. И в то же время Платона постоянно раздражал щегольской вид Аристотеля. Учителю казалось, что дерзкий, независимый ученик недостаточно презирает все то житейское, к которому Платон всю жизнь относился с горделивым равнодушием. В сущности, так это и было. Аристотель был убежден, что в жизни человека все заслуживает внимания и изучения. Он с детства не был приучен к лишениям, никогда не знал бедности, имел свои привычки и нравы, иногда расходившиеся с кодексом

греческого философа. Аристотель не терпел наставлений о том, как есть, пить, какую носить одежду и как вести себя с окружающими. Одевался он изысканно и даже несколько экстравагантно; волосы были всегда тщательно подстрижены, пальцы украшены множеством колец. Молодой философ любил женщин и оказывал им всяческие знаки внимания, хотя и был о них невысокого мнения.

Свободный образ жизни и вызывающее поведение Аристотеля дали повод для всевозможных слухов, выставлявших его в неприглядном свете. Одна из легенд гласила, что якобы он в кутежах промотал свое состояние и ради заработка избрал ремесло торговца аптечным товаром. На самом деле Аристотель, хотя и жил на широкую ногу, никогда не был мотом. Он, изучавший медицину еще с юности, в Афинах многим оказывал медицинскую помощь. А в те времена каждый медик сам изготавливал и продавал лекарства своим больным. Отсюда и корни этой легенды.

Да и в изложении философских взглядов Аристотель, склонный к анализу и исследованию действительности, резко отличался от своего учителя. Греки были восторженными поклонниками цветистого красноречия, и стиль Платона вполне отвечал их представлениям об

ораторском искусстве. Скупого на слова Аристотеля они долгое время почти не замечали.

Критики нередко обвиняли Аристотеля в неблагодарности по отношению к Платону. Однако сам философ, вспоминая своего учителя в одной из элегий, писал: «Ему не решился бы сделать вреда даже самый злейший человек». В «Никомаховой этике» он, как всегда кратко, но емко, высказал мысль о том, насколько ему тяжело опровергать учение Платона. Но в полемике со своим учителем Аристотель всегда говорил о нем сдержанно и с глубоким почтением. До самой смерти Платона Аристотель не открывал собственной школы, хотя свои философские идеи уже давно разработал во всех подробностях.

Афины Аристотель покинул в 348 г., сразу после смерти Платона он отправился в Среднюю Азию. В г. Атарнее он женился на Пифиаде, младшей сестре тирана Атарнеи Гермия, своего друга и любимого ученика. Когда Гермий погиб в результате заговора, Аристотелю с молодой женой стало небезопасно находиться в Атарнее, и они поселились на острове Лесбос. Пифиада была счастлива с Аристотелем и позже родила ему дочь, названную в честь матери также Пифиадой.

Во время пребывания на Лесбосе Аристотель получил приглашение от македонского царя Филиппа приехать в Македонию и стать

воспитателем его сына Александра. В послании говорилось: «Царь македонский приветствует Аристотеля. Извещаю тебя, что у меня родился сын. Но я благодарю богов не столько за то, что они даровали мне сына, сколько за рождение его во времена Аристотеля; потому что я надеюсь, что твои наставления сделают его достойным наследовать мне и повелевать македонянами».

Три года посвятил Аристотель воспитанию Александра, занимаясь с ним всеми образовательными предметами. Он дал царственному ученику энциклопедическое образование, сообщил ему свои медицинские познания, привил вкус к научным исследованиям природы. Большую часть времени учитель и ученик жили в Стагире, где для них был построен роскошный дворец Нимфеум, окруженный тенистыми садами. Филипп, а затем и Александр не жалели ничего, чтобы обеспечить Аристотелю возможность заниматься науками. Александр выделил ему для этих целей огромную сумму денег. Кроме того, около тысячи человек постоянно доставляли для научных опытов Аристотеля редких животных, растения и минералы.

С Александром Македонским Аристотель расстался накануне его первого похода на Азию. 50-летний философ вместе с женой Пифиадой, дочерью и воспитанником Никанором (сыном